

**ЦЕНТР ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
«СОЦИУМ»
СБОРНИК НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ**

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«XXXVII МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПОСВЯЩЕННАЯ
ПРОБЛЕМАМ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК»
(16 декабря 2015 г.)**

г. Москва – 2015

© Центр гуманитарных исследований «Социум»

УДК 320
ББК 60
ISSN: 0869-1284

Сборник публикаций Центра гуманитарных исследований «Социум» по материалам международной научно-практической конференции: «XXXVII международная конференция посвященная проблемам общественных наук», г. Москва: сборник со статьями (уровень стандарта, академический уровень). – М. : Центр гуманитарных исследований «Социум», 2015. – 72 с.
ISSN: 0869-1284

Тираж – 300 экз.

УДК 320
ББК 60
ISSN: 0869-1284

Издательство не несет ответственности за материалы, опубликованные в сборнике. Все материалы поданы в авторской редакции и отображают персональную позицию участника конференции.

Контактная информация Организационного комитета конференции:

Центр гуманитарных исследований «Социум»

Электронная почта: info@society-science.ru

Официальный сайт: www.society-science.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бондаренко А.И., Зайцева М.Н., Семенюк М.А., Каспрук Л.И. ЭВОЛЮЦИОННЫЙ АСПЕКТ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОГО СЕКТОРА СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ РОССИИ	5
Епископ Савва (Михеев), Виденеева А.Е. ДОЛЖНОСТНАЯ ИНСТРУКЦИЯ КАЗНАЧЕЯ МОСКОВСКОГО НОВОСПАССКОГО МОНАСТЫРЯ 1839 ГОДА	8
Комаров Ю.Ю., Попов А.П., Фоля Т.И. ОТЕЧЕСТВЕННОЕ СТАНКОСТРОЕНИЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА	11

КУЛЬТУРОЛОГИЯ, РЕЛИГИЕВЕДЕНИЕ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Irina Grevtsova MOBILE DEVICES: AN EDUCATIONAL TOOL FOR LEARNING IN HISTORIC CITIES	14
Анушин Б.Ю., Скакун А.А. ЭКОЛОГИЯ МУЗЕЯ В ПРОСТРАНСТВЕ БЫТИЯ	16
Сергеева Н. Н. ФОРМИРОВАНИЕ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ВОКАЛИСТОВ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ В ВУЗЕ	19
Сорокин В.М. ОБРАЗ ИНВАЛИДА В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ И ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНЫХ УСТАНОВОК К ЛИЦАМ С ОТКЛОНЕНИЯМИ В РАЗВИТИИ	22

ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Евтюшкин И.В. К ВОПРОСУ О ФЕНОМЕНЕ КРЫМСКОГО АВТОНОМИЗМА (ПОЛИТИКО- КОНЦЕПТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ).....	25
Феоктистова Оксана Анатольевна СКАЗАНИЕ ПРО ВЫБОРЫ В РЕСПУБЛИКЕ КОМИ.....	28

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Новгородцева А.Н., Яценко Э.В. ОТНОШЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ ЕКАТЕРИНБУРГА К ЛГБТ-ОБЩНОСТИ	31
Новикова Е.Ю. АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ ПОДРОСТКОВОЙ АЛКОГОЛИЗАЦИИ.....	34
Рассади́на Т. А. К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОМ СТАТУСЕ ГУМАНИТАРНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.....	36
Шахова Е.В. АВТОРСКИЕ КОЛОНКИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ).....	39
Явнова Н.А. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ И ДЕТЕЙ-СИРОТ В XIX В. – НАЧАЛЕ XX В.	41

ФИЛОЛОГИЯ

Анохина М. А. THE VERBS OF MANNER IN ENGLISH: ONE OF THE MODES OF TRANSLATION	44
Баранникова Т.Б. К ВОПРОСУ ОБ «АБСОЛЮТНЫХ» СИНОНИМАХ	45
Марцелли А.А., Орданьян Л.Д. КОННОТАТИВНЫЙ АСПЕКТ ЛЕКСИЧЕСКИХ СИНОНИМОВ В ПРОЦЕССЕ КОММУНИКАЦИИ	48
Полетаева Е. Д., Заломкин О. В. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ИНТЕРНЕТ-САЙТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ САЙТОВ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ).....	50
Савина Е. М. ФАТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ЯЗЫКА И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ДИАЛОГОВ С НЕМЕЦКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК.....	53
Черкасс И.А. ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СПОСОБОВ ВЫРАЖЕНИЯ РАДОСТИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ БРИТАНСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ АВТОРОВ.....	56
Шурупова М.В., Бирюкова А.Д. ЯВЛЕНИЕ ИДИОМАТИЗАЦИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЕ	58

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Исаева И. В. ФОРМИРОВАНИЕ МЕТАПРЕДМЕТНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ПРОЦЕССЕ ОСВОЕНИЯ КУРСОВ ПО ВЫБОРУ (ОПЫТ МАОУ «ГИМНАЗИЯ №5» Г. ЧЕБОКСАРЫ).....	62
Рыбаков В.В. ФИЛОСОФСКАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА И ТРАНССЕМИОТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ КОММУНИКАЦИИ	64
Урсина В.А. МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА ФИЛОСОФИИ.....	67

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бондаренко А.И.

ОрГМУ, студент

Зайцева М.Н.

ОрГМУ, студентка

Семенюк М.А.

ОрГМУ, студентка

Каспрук Л.И.

*Научный руководитель, д. м. н., доц.,
ОрГМУ, профессор кафедры ОЗиЗ № 1*

ЭВОЛЮЦИОННЫЙ АСПЕКТ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОГО СЕКТОРА СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

Реалии современной жизни предполагают стремительное развитие такого аспекта экономической деятельности, как сектор формирования «высокотехнологичного» производства. Темпы роста современной фармацевтической индустрии впечатляют своим постоянством и значимостью в структуре экономик многих государств, что и обеспечено, в первую очередь, опорой на «высокотехнологичный» сектор. Реалии российской фармации таковы, что и по сей день данная отрасль производства страдает собственной отсталостью от общемировых тенденций развития, определёнными особенностями общеполитических, социальных и духовных элементов формирования всей российской промышленности в целом. В настоящий момент российская фармация обладает склонностью к развитию вследствие усовершенствования производства и форм лекарственных препаратов.

В нашей работе мы поставили перед собой задачу определить сущность направления развития современной российской фармации, продиктованной ситуацией общеполитического и внешнеэкономического характера. В настоящее время подобное развитие может стать определяющим фактором для дальнейшего движения и преобразования фармацевтического производства в высокоразвитый элемент индустрии. Важность приобретает и возможность совершенствования форм и видов лекарственных препаратов – продуктов российской фарминдустрии – в значимый феномен мирового рынка.

Любой элемент функционирования систематизированного объекта детерминируется отдалёнными факторами, имеющими отношение к тому же объекту, но определённые в пределах принципиально иного состояния его саморегуляции. Так и выходное состояние фармацевтической промышленности в России в современных условиях не могло не быть определено проявлением развития фармации в советский период, когда условия для преобразований в пределах данной отрасли характеризовались большим влиянием государственного плана, существенным стремлением государства к самосовершенствованию своей индустрии в пределах собственно страны и на международной арене.

В этот период основывались новые заводы по производству лекарственных препаратов, систематизировалась система организации аптечных учреждений и контроля над надлежащим исполнением ими своих функций. [4, с. 290-305]. Осваивался принцип реализации лекарственных веществ в препараты, характеризовавшиеся передовой фармакологической активностью, высокой степенью эффективности (например, альбомуцин, викасол, коргликон, текодин, биомуцин и др.).

После эпохи перестройки аптечная система в государстве претерпела значительные изменения. Но несмотря на все преобразования, наследие организации фармацевтической системы Советского Союза и по сей день сохраняет свою

значимость. В период СССР развитие фармацевтической промышленности достигло высокого уровня. Можно с уверенностью сказать, что Советский Союз предоставил современной российской фармации обширную базу для дальнейшего развития, как в плане промышленного производства, так и в плане науки – создания всё более совершенных и эффективных лекарств.

В условиях современного развития рынка продукции фармацевтического производства и распределения относительно межгосударственного и внешнеэкономического сотрудничества характерен высокий темп самого производства данной продукции как таковой, что подкрепляется константно высокими показателями рентабельности рыночной реализации в данной сфере. Фармацевтическая промышленность проявляет функции оплота и поддержки всей промышленности государства, в особенности химической, причём данная тенденция развития характерна не только для фарминдустрии российского рынка, но и для общемировой, распространяясь на многие крупнейшие мировые державы-основные производители лекарственного сырья. В XXI веке российский фармацевтический рынок достигает второй позиции в мировом обороте по темпам своего роста, опережает Россию лишь Бразилия. Существенный рост образованного порядка двух десятков лет назад российского фармацевтического рынка обеспечивается в основном за счёт грамотного регулирования системы оборота лекарственных препаратов и структуры рынка, хотя в данной отрасли государственной политики существуют определённые недочёты [1].

Реалии современного российского фармацевтического рынка таковы, что в суммарном объёме потребления доля собственно произведённой в стране продукции значительно уступает импортной, отечественные изготовители препаратов существуют в основном в форме дженериковых препаратов, изготовление которых характеризуется недостаточной выгодой для самих производителей, а качество уступает аналогичному для лекарств, произведённых в специальных высокотехнологичных лабораториях и с использованием особого сырья и специализированной технологии его формирования в препарат. Данная проблема проявила себя в высокой степени, когда было выяснено, что в 2011 г. производители российских лекарственных препаратов обеспечивали изготовление лишь 63% веществ, относящихся к жизненно необходимым. Но поскольку производство подобных лекарств относится к стратегически значимому для экономики российского государства, то данные показатели предоставляют возможность задуматься о пути развития современной российской фармации, о её попытках закрепиться на собственном рынке аптечной продукции, дабы ликвидировать отсталость всей российской промышленности от показателей ведущих мировых республик. При этом возможное преодоление проблем рынка российской фармацевтической продукции может послужить фактором интеграции России в мировое сообщество и мировой товарооборот и повышению престижа отечественной медицины и фармации в высокоразвитых странах мира [1].

Ускоренное развитие российской фармацевтической промышленности характеризуется преобразованием в таких отраслях, как создание готовых лекарственных средств или форм лекарственных препаратов, преобразование лекарственных субстанций, создание субстанций синтетического происхождения, получение новых лекарственных препаратов с использованием передовых биохимических методов и т.д. Государство также принимает участие в решении проблемы отсталости российской фарминдустрии от конкурирующих с ней мировых экономик. В частности, была принята специальная программа государственной политики «Развитие фармацевтической и медицинской промышленности на 2013–2020 годы». Обеспечение реализации на территории России принципов данной политики позволит усовершенствовать предприятия аптечного и заводского фармацевтического производства, существенно повысив при этом и качество выпускаемой продукции,

уровень которого обещает достичь показателей ведущих экономических держав мира; также претворение политики в предпринятые реформы позволит значительно понизить бремя отсталости российского фармацевтического рынка, позволит рынку преодолеть зависимость от заграничной сырьевой составляющей [2]. Если следовать прогнозам, результатом проведения политики совершенствования системы фармацевтического производства должно стать появление большого количества качественных лекарственных препаратов отечественного происхождения, рентабельных и конкурентоспособных на внешнем и внутреннем рынках. При этом проблемы, заключённые в самом российском фармрынке, имеют более сложную причинно-следственную связь и не могут быть решены в течение короткого промежутка времени. Впрочем, проведение общегосударственных преобразований в данной области может стать первой ступенью к дальнейшему развитию этой отрасли экономики России.

Современная российская фармация, учитывая достижения прошлого, направлена на создание высокотехнологичного, инновационного лекарственного производства в развитых экономических условиях. Российская фармацевтическая промышленность характеризуется значительной степенью отсталости в плане конкурентоспособности на мировом рынке лекарственной продукции, но в настоящий момент предпринимаются попытки ликвидации отсталости ускоренными темпами развития фарминдустрии, попыткой государственного стимулирования данной отрасли промышленности.

Будущее фармации – за высокоэффективными лекарственными препаратами, использование которых характеризовалось бы максимальной экономической выгодой, но, в первую очередь, которые проявляли бы минимум побочных явлений на организм человека, т.е. могли быть эксплуатируемы среди широких масс населения, удовлетворяя при этом потребность в излечении для много большего количества людей. К созданию таких лекарств стремится и современная российская фармация.

Литература

1. Капусткин В.И., Родионов П.П. Особенности развития мирового рынка фармацевтической продукции и интересы России // Вестник СПбГУ. Сер. 5. 2007. Вып. 1. С. 77–86.
2. Кулагина С.В. Место российской фармацевтической промышленности на мировом фармацевтическом рынке // Экономика и управление. 2010. № 12. С. 98.
3. Лоскутова Е.Е., Лагуткина Т.П., Грибкова Е.И. и др. Фармация за рубежом: Учебное пособие для студентов специальности «Фармация». Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2013. 50 с.
4. Складова Е. К., Жаров Л. В., Дергоусова Т. Г. История фармации: Учебник. Ростов-на-Дону: «Феникс», 2015. 317 с.

Епископ Савва (Михеев)
*доктор церковной истории,
викарий Святейшего Патриарха Московского и всея Руси,
наместник Московского Новоспасского монастыря*

Виденеева А.Е.
*кандидат исторических наук,
музей «Ростовский кремль»*

ДОЛЖНОСТНАЯ ИНСТРУКЦИЯ КАЗНАЧЕЯ МОСКОВСКОГО НОВОСПАССКОГО МОНАСТЫРЯ 1839 ГОДА

Настоящая работа, посвященная рассмотрению обязанностей монастырского казначея, связана с изучением управленческого аппарата и должностной иерархии Новоспасского монастыря в XIX столетии.

Исследование базируется на анализе должностной казначейской инструкции, сохранившейся в архивном собрании Новоспасского монастыря. Она датирована 1839 г. и заверена подписью архимандрита Аполлоса (1837-1851) [1, л. 1-3 об.].

Появление данного документа можно связать с определением на должность исполняющего обязанности казначея иеродиакона Геннадия [2, л. 1], которое состоялось в 1839 г. Дело в том, что в Новоспасском монастыре существовал обычай, по которому, при назначении нового лица на должностной пост, об этом оповещалась братия и штатные служители. В трапезе, при общем собрании монастырских насельников, назначаемому вручалась должностная инструкция, соответствующая его посту, которая «для ведома» зачитывалась вслух [3, л. 5]. Судя по всему, казначейская инструкция, подготовленная для вступления в должность иеродиакона Геннадия, уцелела и дошла до нашего времени.

Главная ценность рассматриваемого документа заключается в его исключительной информативности. В 16-ти пунктах инструкции четко, ясно и определенно очерчен круг обязанностей и полномочий новоспасского казначея. Рассмотрим, в чем конкретно они заключались.

Основным делом казначея являлось исполнение финансовой функции – получение и выдача монастырских сумм, а также ответственность за хранение монастырских денег, как наличных, так и обращенных в процентные бумаги [1, л. 1].

Казначей имел дело с полным объемом приходной суммы, поступающей в монастырь: штатного государственного содержания, вкладов и пожертвований, церковных доходов, поступлений от арендаторов монастырской земли, платы за погребение на монастырском кладбище и других источников. Он должен был «получать всякую монастырскую сумму в свое время и записывать немедленно в приходо-расходные книги с точностью и исправностью, с хранением оной всегда в кладовой за ключами» [1, л. 1].

Через посредство казначея осуществлялось и расходование монастырских денег. По распоряжению наместника он сам осуществлял необходимые монастырю закупки и платежи, а также выдавал деньги ответственным лицам, производящим различные покупки, получая от них отчеты в расходе денежных сумм. Важно подчеркнуть, что казначей не распоряжался финансами самостоятельно и произвольно, а являлся исполнителем воли настоятеля, транслируемой через наместника [1, л. 1].

Ответственность за хранение материальных ценностей с казначеем разделял наместник. Деньги и ценные бумаги находились в особой кладовой, под замком и печатью, при этом ключи находились у казначея, а печать – у наместника [1, л. 1-1 об.]. Отметим, что подобным образом обеспечивалась и контролировалась сохранность церковных кружек – ключи от них имел казначей, а печать – наместник.

Движение монастырских денег в обязательном порядке фиксировалось в письменных документах, что также являлось прерогативой казначей: «в кладовой иметь особую шнуровую книгу за печатью монастырскую, в которую вносить приход и расход сумм, поступаемых в оную». Ведение официальной приходо-расходной документации предполагало наличие подготовительного и итогового этапа оформления документов. Текущее поступление и расходование денежных средств, по мере их производства, вносились в черновой вариант записок. Ежемесячно казначей отчитывался в этом перед наместником, и после его проверки, переносил записи в чистовые, так называемые «белые» приходо-расходные книги. Периодически документы денежной отчетности проверял и подписывал настоятель [1, л. 1-1 об.].

В ведении казначей состояла монастырская недвижимость хозяйственного назначения: «все монастырские здания, сады, огороды, сенокосы, дома, кладовые, пруды и все, к монастырскому хозяйству относящееся». Как и в случае с монастырской казной, ответственность за эту сферу деятельности он делил с наместником. Также казначею поручалась заготовка хозяйственных припасов: «дрова, сено, овес, уголье и прочия хозяйственные мелочные вещи» [1, л. 1 об.].

Казначею вменялось в обязанность следить за состоянием, хранением и проверкой описей монастырского имущества, он имел право покупать необходимые или недостающие предметы бытового обихода: «иметь опись монастырскаго имущества, которое чаще осматривать, и в чем по оной [части] есть недостаток, или вещи имеются старья, то купить вместо оных другия» [1, л. 3-3 об.].

Вместе с наместником казначей имел право заключать сделки по сдаче в аренду («оброчное содержание») участков монастырской земли и различных доходных статей [1, л. 1 об., 3].

Казначей нес ответственность за исправное функционирование монастырской конюшни – он должен был «смотреть за конюшнею, за исправностию онаго двора и целостию всех экипажей, всякой збури и разных орудий». Ему поручалось следить за состоянием богадельни, которую содержал монастырь. Он был ответственен за соблюдение чистоты и порядка на монастырском кладбище, а также и во всем монастыре: «кладбище содержать в совершенной чистоте, которую во всем монастыре и вне онаго всегда содержать» [1, л. 2 об. - 3].

По долгу своей деятельности, казначей тесно сотрудничал с трапезным (монах или послушник, отвечающий за поставку продуктов для монастырской трапезы). Так, по записке трапезного, утвержденной наместником или настоятелем, казначей выдавал деньги для закупки съестных припасов. Вместе с трапезным он был обязан закупать овощи для монастырского стола. Вместе с ним же – отвечал своевременную набивку льда в монастырские погреба, что было важной задачей, поскольку служило гарантией сохранности скоропортящихся продуктов в летнее время [1, л. 2 об. - 3].

Особой сферой деятельности казначей являлось наблюдение за состоянием монастырских зданий и ведение ремонтных работ: «где замечена будет ветхость или повреждение в монастыре и вне онаго, докладывать наместнику и немедленно исправлять починкою» [1, л. 2 об.].

В подчинении казначей состоял штат монастырских наемных служителей – светских лиц, работавших на монастырь. В рассматриваемое время он включал в себя около 25 человек [4, л. 3-3 об.]. Важно отметить, что распределением работ и обязанностей между служителями занимался наместник, на казначея же возлагалась ответственность за их «исправность» в поведении и работе. Ему поручалось «за оными смотреть, пресекая всякое между ними безчиние, ослушание и леность». Особенно строго требовалось контролировать несение служителями охраны монастыря: следить, чтобы «в ношное время караул бы был всегда в монастыре исправен, а днем

караульные находились безотлучно на оном, для чего почаще навещать содержащих оный во всякое время». [1, л. 2-2 об].

В последнем пункте должностной инструкции особо оговаривалась наблюдение казначея за состоянием монастырских колоколов. Наряду со звонарями, он должен был обеспечивать сохранность колоколов, которые в данном случае рассматривались, как дорогостоящие материальные объекты [1, л. 3 об.].

Как видим, должность казначея являлась сложной и ответственной. От ее исполнителя требовались определенные личностные качества, которые четко отражены в одном из монастырских документов середины 1830-х годов: «Казначей должен быть иеромонах, поведением благонадежный, испытанный в верности и безкорыстии, и способный к разчетливости» [5, л. 1].

В заключение отметим, что сферы влияния монастырских управителей во многом пересекались, а сами должностные посты находились в зависимом, подотчетном положении друг у друга. Казначей состоял в подчинении наместника, который от лица настоятеля осуществлял контроль за распределением денежных потоков и расходом денежных сумм, отвечал за хранение материальных ценностей, управлял хозяйственными делами и следил за порядком в монастыре. В свою очередь, казначей исполнял руководящую роль во взаимоотношениях с трапезным монахом и другими членами братии. В подчинении у него находились штатные служители.

Итак, должностные обязанности казначея Новоспасского монастыря включали в себя преимущественно финансовые, в значительной мере – хозяйственные и отчасти – административные функции. По долгу своей службы он касался многих важных областей монастырской жизни, к которым относились: производство денежных сборов и расходование денежных средств; хранение денег и ценных бумаг; оформление документов финансовой отчетности; состояние хозяйственных зданий, служб и припасов; деятельность штатных служителей; заключение арендных договоров; покупка бытовых предметов и многое другое. В целом, для должности казначея были свойственны широкие полномочия и строгая подотчетность.

Все это опиралось на традиционные устои монастырского управленческого аппарата, который обеспечивал должное функционирование такой обширной, сложной и значительной структуры, какую представлял собой в XIX столетии ставропигиальный первоклассный Московский Новоспасский монастырь.

Примечания

1. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1197. Оп. 2. Д. 179.

2. РГАДА. Ф. 1197. Оп. 1. Д. 95.

3. РГАДА. Ф. 1197. Оп. 2. Д. 190.

4. РГАДА. Ф. 1197. Оп. 2. Д. 177.

5. РГАДА. Ф. 1197. Оп. 2. Д. 150.

Комаров Ю.Ю.
Старший преподаватель МГУПС (МИИТ)
Попов А.П.
к.т.н., доцент
Фоля Т.И.
Ст. преподаватель

ОТЕЧЕСТВЕННОЕ СТАНКОСТРОЕНИЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Индустриализация страны

Основы советского станкостроения были заложены в годы первых пятилеток. За годы советской власти станкостроения было по существу создано заново.

В декабре 1925 14-м съездом ВКП (б) принял решение, определившее генеральный курс на индустриализацию народного хозяйства. Осуществление принятого курса потребовало первоочередного развития тяжёлой промышленности, отечественного машиностроения и наряду с этим производства металлорежущих станков. В результате специальных правительственных мероприятий, проведённых в 1929—30, были созданы организационные предпосылки, необходимые для планового развития в СССР специализированной станкостроительной промышленности.

Датой официального создания самостоятельной отрасли станкостроения можно считать Образование 29 мая 1929 «Станкотреста». В 1930 на основе объединения станкостроительных и инструментальных трестов учреждено Государственное всесоюзное объединение станкоинструментальной промышленности «Союзстанкоинструмент».

Этап становления советского станкостроения завершился в 1932 году, когда завод «Красный пролетарий» выпустил первый современный токарно-винторезный станок. В процессе индустриализации машиностроительные предприятия нашей страны стали получать новые отечественные станки.

ЭНИМС-путь к успеху

19 мая 1933 на базе Научно-исследовательского института станков и инструментов и Центрального конструкторского бюро по станкостроению основан Экспериментальный научно-исследовательский институт металлорежущих станков (ЭНИМС), где было начато проектирование новых типов станков. Разработка технических заданий на проектирование велась под руководством пионера отечественного станкостроения Г.М.Горохова.

ЭНИМС становится главным экспертом и консультантом новых конструкций станков, разрабатываемых на заводах СССР.

В период с 1934 по 1937 гг. институтом проводится гигантская работа: Впервые в мировой практике под руководством главного конструктора Владимира Ивановича Дикушина (1902-1979) разрабатывается на научной основе типаж (номенклатура типов и размеров) станков в масштабе всей страны. Создаются основы отраслевой стандартизации и нормализации. Впервые в мире разработан стандарт на общие технические условия и качественные показатели для металлорежущих станков.

В 1936 году были разработаны в ЭНИМСе первые проекты автоматических линий из агрегатных станков.

ЭНИМС и опытным заводом «Станкоконструкция» создают первый советский многошпиндельный агрегатный станок для автомобильной промышленности.

Под руководством академика В. И. Дикушина были разработаны теоретические основы агрегатирования, реализованные в конструкциях многошпиндельных агрегатных станков и в автоматических линиях для обработки корпусных деталей. Он перенес принцип закономерных рядов из области кинематики в практику построения рядов конструктивных параметров, определяющих геометрические размеры и

технические показатели машиностроительных изделий. Его научные работы посвящены основным проблемам станкостроения, в частности разработке научных основ проектирования металлорежущих станков.

Разработка принципов и системы агрегатирования станков, позволила в короткий срок изготовить 60 станков для обработки тубингов, использованных при строительстве Московского метрополитена, 60 станков для тракторных заводов и для других производств.

Работа института по освоению агрегатных станков, выдвинувшая СССР к 1937 г. по производству станков на первое место в Европе, отмечена Сталинской премией.

Профессора Наум Самойлович. Ачеркан (1892 1976) и Н.В. Игнатъев опубликовали важнейшие положения о регулируемом приводе станков, а профессор Г.М. Головин разработал принципы кинематики станков, разработал теоретические основы анализа, настройки и расчета кинематических цепей станков. Им был разработан обобщенный метод кинематического расчета и анализа станков. Созданный им курс «Кинематика станков» читался в МВТУ с 1929 года. Это учение до сих пор является азбукой подготовки инженеров-станочников во всех вузах страны.

Дальнейший рост

Период с1935 по 1941 имел важное значение для развития науки о резании металлов и советской школы резания. В 1937 году в отечественном станкостроении был завершён переход на индивидуальный электропривод. В то время это являлось большим техническим достижением.

Стахановское движение передовиков производства опрокинуло нормативы, тормозившие дальнейшее развитие техники, в том числе и в области резания металлов. Декабрьский (1935) пленум ЦК ВКП(б) предложил пересмотреть технические руководящие материалы, на которых базировались нормативы. С этой целью в 1936 г. при Техническом Совете НКТП (народный комиссариат тяжелой промышленности) была создана Комиссия по резанию металлов. В работе Комиссии участвовали не только учёные (Е. П. Надеинская (председатель), И. М. Беспрозванный, В. А. Кривоухов, А. И. Каширин, А. В. Панкин и С. Д. Тишин), но и заводские коллективы, инженеры, мастера и рабочие. В течение пяти лет Комиссия по резанию металлов являлась всесоюзным центром по планированию и координации всех научно-исследовательских работ по резанию металлов в Советском Союзе. За эти годы было выполнено около 250 научных исследований и обобщен опыт заводов. Было проведено по единой методике свыше 120 000 экспериментов по исследованию процесса резания, установлены силовые и стойкостные зависимости для всех видов металлорежущего инструмента и по всем основным металлам, применяемым в машиностроении, созданы инженерные методы расчёта геометрии режущей части инструмента и оптимальных режимов обработки различных материалов. Комиссия разработала справочные материалы по режимам резания для всех видов инструментов. Эти справочники были положены в основу государственных нормативов по режимам резания. Руководящие материалы по режимам резания в результате многочисленных теоретических и экспериментальных исследований нашли применение в промышленности в годы Великой Отечественной войны. Большое значение имело развитие инженерных методов расчета оптимальных режимов резания, которые позволяли сравнительно просто рассчитывать важные для практики характеристики процесса резания. Исследования проводились коллективами, возглавляемыми А. В. Панкиным, С. Ф. Глебовым, В. А. Кривоуховым, Н. И. Резниковым, М. Н. Лариным, П. П. Трудовым, и др. В разработке физических основ процесса резания важную роль сыграли работы учёных в области смежных наук (В. Д. Кузнецов, П. А. Ребиндер и др.).

Перед Великой Отечественной войной наша страна была крупной станкостроительной державой. В течение трёх довоенных пятилеток построено

большое количество новых станкостроительных заводов, в том числе Краматорский тяжёлого станкостроения, Киевский станков-автоматов, Харьковский радиально-сверлильных станков, московский «Станколит» и др. К 1941 в СССР имелось 37 специализированных станкостроительных заводов. В 1940 общее количество освоенных типоразмеров выпускаемых станков превысило 320. Доля импорта металлорежущих станков в предвоенные годы составляла менее 10%. Советский Союз обеспечивал выпуск необходимого народному хозяйству количества универсальных и специальных станков, большого числа автоматических станочных линий для ведущих отраслей машиностроения.

Список литературы

1. Розенфельд Я. Клименко К. История машиностроения СССР: С первой половины XIX в. до наших дней.- М., 1961.

2. Тарасов А.Б. Металлорежущие станки: Учебное пособие для вузов.- М.: МГОУ, 2010.

3. Комаров Ю.Ю. Попов А.П. Введение в специальность Металлообрабатывающие станки и комплексы.- М.:МГОУ, 2011.

Irina Grevtsova

*Faculty of Teacher Training,
University of Barcelona, Phd student.*

MOBILE DEVICES: AN EDUCATIONAL TOOL FOR LEARNING IN HISTORIC CITIES

Abstract

The area of mobile applications based on new mobile media capabilities has grown during the last few years. This growth has been fostered by the development of the cultural tourism sector and the great penetration of smartphones in society. More and more, the use of applications is becoming a universal formula for travelling, understanding and interpreting the world around us.

Introduction

Recent researches demonstrate the importance of the use of new information technologies in Heritage Education [1], [2], [3]. In urban contexts, the use of mobile media for heritage education has many advantages; technology encourages the design of experiences with regards to rethinking the city.

The historic value of cities and its potential for heritage education has been researched in numerous studies. These researches emphasize a city as an historic and cultural heritage container and archive [4], [5], [6]. In this context like no other physical environment, where an important part of the tangible and intangible heritage of humanity is concentrated and where the location of the patrimonial monuments is very irregular and often confusing, information technologies offer innovative solutions to facilitate and provide cultural information in a more simple way. The smartphone, as an interpretative portable tool, compared with its classic predecessors used in urban environments - stable informative panels and signs – present a number of advantages. It communicates the significance of heritage sites without physical impact. It has additional features like mobility and ubiquitous system that enrich learning experiences and interactive tools for creating, modifying and sharing contents [7]. Mobile media not only simplify a vast amount of information, but also improve the content thanks to its interactive features and offer a wide variety of interpretive proposals for cultural heritage.

The analysis of mobile media designed for urban cultural tourism showed that the major part of current projects still propose themed itineraries targeted at groups or individuals. This kind of guides has a number of common features. It presents an established number of Points of Interest (POIs) and stops like in a classic guided tour or itinerary with a defined itinerary that has a start and an end point. It is characterised by a closed-response digital format with few interactive features hardly adaptable for custom routes design.

Thanks to the emergence of Mobile learning (M-learning), as an extension of the line e-learning a new approach and methodology of learning through the use of mobile media was defined. This kind of learning has been applied in various fields and projects which were carried out in schools, workplaces, museums, cities and rural areas throughout the world [8], [9].

In cities, recent years have witnessed an explosion in the number of creative new games supported by mobile devices in such a way that the game activity evolves according to the player's location [10]. The access to network broke with the tradition of playing only in a physical location and enables the fusion of digital technology throughout the urban space. The combination of educational potential of heritage urban sites and mobile location-based games enriches the visitor experience and provides new ways of learning. Some of the characteristics

of such games are mobility, collaboration, role-playing, engagement in making activities, localization and investigation objects.

Another feature of these games is the use of Augmented reality that potentially improves 21st century skills, such as interpretation, multimodal thinking, problem solving, information management, teamwork, flexibility, civic engagement, and the acceptance of diverse perspectives [11].

Some years ago Augmented reality as an educational and outreach tool have begun to be experienced by many cultural institutions. The Powerhouse Museum started displaying historic photographs of its collection in Sydney in 2010 and the same year the Museum of London released *Streetmuseum* that provided access to hundreds of historic images of London as both 2D and 3D overlays. From that moment, the Augmented reality has been widely spread in many cities all over the world. The main use of AR technologies in urban contexts consists in displaying urban heritage and historic scenarios by providing archive images and videos that are mapped in the urban streets where they were taken. The combination of virtual, location-specific and contextual information make possible to access to cultural contents in a physical site, and it improves the learning efficiency of mobile media.

In the next paragraph a prototype designed for mobile media base on Augmented reality games and its evaluation is presented. This project is a part of the doctoral thesis ongoing Phd research of Irina Grevtsova, directed by Dr. Joan Santacana and Dr. Laia Coma (University of Barcelona) which was developed in the framework of the 13th International Congress of Educating Cities, which took place in Barcelona in November 2014.

The mobile application *Open - Air Museum. Barcelona*

Open - Air Museum. Barcelona presents a GPS application with the use of Augmented Reality that invites tourist and local people to discover the history of Barcelona. In our project, a location – based game consists in hunting enigmas hidden in vast halls and galleries of the biggest open - air museum of Barcelona. It is situated in Ciutat Vella neighbourhood. In this area of 4.5 Kilometres the major part of the history of the city is concentrated. Moreover, on the same site the Roman and the Gothic city are overlapped.

Open - Air Museum. Barcelona application does not offer any predesigned route or itinerary. The location of principle POIs are hidden in heritage places that can be visited freely and spontaneously. The principle use of a GPS map is to help a user to find orientation in a historic quarter and indicate areas of interest. Inside the museum area when the user reaches an area of an interest (museum hall, gallery o area) the application points out it with a graphic notice and sound. Walking a visitor can keep a mobile or a tablet in his pocket and take it when the sound alerts. The navigation starts through augmented reality with the use of a radar that locates all POIs of this area.

There are seven interactive tools that were designed to explain different kinds of urban heritage. Every tool helps to learn one specific aspect of the history of an urban site, an architectural monument or a museum objects.

Two types of educational tasks were designed. The first type is related to the history of buildings and urban places. For instance, one of the tools consists in finding out the origin of moved buildings. This activity is presented with an icon *building with legs*. The second one is titled *history scan* and helps to analyse whether a historic building is authentic or reconstructed. Finally, the last two tools *time travel* and *eraser* show the use of urban spaces in different historic periods and urban changes of squares and streets.

The second group of educational tools indicate different tasks that a player must carry out: learn about details of some outstanding monuments and historic buildings (*an eye*), locate and associate museum objects with their original place (*a museum icon*) and search and discover hidden mysteries (*a magnifying-glass*). To solve these tasks, the player is required to interact with application contents: delete old photos by finger and observe current views

(eraser), turn over the gallery of historical images (*time travel*), zoom an image (*an eye*), locate points with the use of a GPS map (*a magnifying-glass*), etc.

References

1. López, V. (2014). Estudio exploratorio sobre la interpretación didáctica del arte en el museo a través de tecnologías móviles. (Tesis doctoral inédita). Universidad de Barcelona.
2. Ibáñez Etxeberria, A., Fontal, O., Cuenca J.M., Vicent, N., y Gillate, I. (2014). Trends in the use of mobile technologies in Heritage Education in Spain. En R. Amoêda, S. Lira, & C.Pinheiro (Eds.), *Proceedings of the 4th International Conference on Heritage and Sustainable Development* (691- 699). *Green Lines Institute*.
3. Santacana, J. & Coma, L. (2014). *El m – learning y la educación patrimonial*. Gijón: Trea.
4. Prats, J., & Santacana, J. (2009). Ciudad, educación y valores patrimoniales: La ciudad educadora, un espacio para aprender a ser ciudadanos. *Iber: Didáctica De Las Ciencias Sociales, Geografía e Historia*, 59, 8-21.
5. Coma, L. & Santacana, J. (2010). *Ciudad educadora y patrimonio. Cookbook of Heritage*. Gijón: Trea.
6. Coma, L. (2011). *Actividades educativas y didáctica del patrimonio en las ciudades españolas. Análisis, estado de la cuestión y valoración para una propuesta de modelización* (Tesis doctoral inédita). Universidad de Barcelona.
7. Grevtsova, I. (2012). How to make urban archaeology understandable? Interpreting the heritage: from the stable panels to the new mobile devices. *Proceedings of the 17th International Conference on Cultural Heritage and New Technologies*. Disponible en: http://www.chnt.at/wp-content/uploads/eBook_CHNT17_Grevtsova.pdf
8. Sharples, M. (Ed.) (2007). *Big issues in mobile learning. report of the workshop by the kaleidoscope network of excellence mobile learning initiative*. Nottingham: LSRI University of Nottingham.
9. Brazuelo, F., & Gallego, D. J. (2011). *Mobile learning: los dispositivos móviles como recurso educativo*. Alcalá de Guadaíra: MAD.
10. Avouris, N., & Yiannoutsou, N.(2012). A Review of Mobile Location-based Games for Learning across Physical and Virtual Spaces. *Journal of Universal Computer Science* 18(15), 2120–2142.
11. Schrier, K (2006). Using augmented reality games to teach 21st century skills, *ACM SIGGRAPH 2006 Educators program*. doi:10.1145/1179295.1179311.

Анушин Б.Ю.,

доцент

АОУ ВПО ЛГУ им. А.С. Пушкина

Скакун А.А.

старший преподаватель

АОУ ВПО ЛГУ им. А.С. Пушкина

ЭКОЛОГИЯ МУЗЕЯ В ПРОСТРАНСТВЕ БЫТИЯ

Выбор данной темы обусловлен тремя причинами:

Во-первых, открытием, которое было возможно только благодаря театру «Приют комедианта»; во-вторых, проектированием выставочных залов Театрального музея в Санкт-Петербурге; в-третьих, знакомством с работами доктора философских наук Андрея Николаевича Павленко.

Театр «Приют комедиантов» повлиял тем, что пришло понимание защищенности от замусоренности жизни, её профанных проявлений, бессмысленной суеты. Это было так. Можно было наблюдать людской поток, текущий по Садовой улице мимо театра, из него только отдельные индивиды заплывали в пространство вестибюля чтобы

купить билет или в поисках работы. В основном это были случайные люди для театра, и они приносили мусор и проблемы быта своей жизни. Вот тогда становилось актуальным название – «Приют комедианта». Стало понятно, что экология – это чистота и естественность бытия человека в среде его обитания. Сосуществование и соприкосновение с интересными театральными людьми и драматургией: Шекспира, Гоголя, Пушкина, возвышает и очищает духовный мир человека. Не всё ли это – экология пространства бытия Театра. И если первая причина в открытии экологии была связана с театром, то вторая причина выбора темы связана с Театральным музеем в Санкт-Петербурге. Именно то ощущение защищенности, которое открылось в театре, вновь вернулось при работе над дизайном интерьеров музея. Необходимо было подготовить проектное решение 18-ти залов на основании технического задания музея. Там определялись две задачи: первая – показать историю развития театра; вторая – предложить креативное пространство для экспозиции, позволяющее создать новые формы взаимодействия между посетителем и музеем. И, наконец, третья причина выбора темы вызвана знакомством с работами выдающегося философа А.Н.Павленко. Среди них: «Теория и театр», «Место «хаоса» в новом мировом порядке», «Бытие у своего порога». Благодаря его размышлениям стал более понятен феномен музея, и хотелось бы поделиться своими впечатлениями с окружающими.

«Почти все, что нас окружает, есть музей. Латинское *museum* и греческое *museion* означают буквально “грот”, или “пещеру”, в которой укрывались Музы. Лишь незначительная “часть” бытия просвечена к нам изнутри, т.е. открыта. Музей — закрыт или скрыт. Это, в сущности, действительно грот, в который необходимо войти, с тем чтобы *открыть* его для себя изнутри. “Пользоваться” музеем — противоестественно: содержание грота нам *не дано в пользование*. Музей–грот дан нам только как “хвост” ускользающего прошлого, как напоминание о нем»¹.

Почему это так, следует разобраться. Бытие настоящего вступает в противоречие с бытием прошедшим, поэтому предметно-пространственные объекты прошлого вынуждены «прятаться» в музей, они выталкиваются в него всей «поверхности» бытия. Архетипом музея помимо пещеры или грота может служить египетская пирамида, так как она сохраняла предметы быта фараона для его жизни в загробном мире. Пирамида – абсолютное хранилище прошлого, она закрыта для жизни. Музей сохраняет эту же функцию – хранилища, но не в таком абсолютном проявлении. Предметы разных эпох доступны для зрителя, им обеспечиваются условия как температурно-влажностные, так и нормы освещенности. Но нет в музее той закрытости, когда бытие предмета лишается своей сущности и мертвоет. В чем же сущность предмета? Сущность его – *в предназначении*. Пока костюм, хранящийся в музее, не одевается, он вырван из контекста бытия – мертв. Он прячется в музее-пещере.

Итак, мы видим предназначенность музея, его сущность, в сохранении и представлении бытия прошлого, но музей создает и некую среду, где существует зритель и хранитель, экскурсовод и посетитель, исследователь, актер, режиссер. Эта среда вступает в отношения с действительностью и воздействует как на человека внутри музейного пространства, так и вне музея. Рассмотрим условия существования человека в данной среде. Санкт-Петербургский театральный музей может стать примером рассмотрения. Мы видим деление музейного пространства на 2 части: экспозицию и хранилище. Но разбирая структурные элементы, нужно не забыть и об «экологии» (от греч. *oikos* – жилище, место обитания и *logos* – наука). Его ввел

---

¹ Павленко, А. Н. Бытие у своего порога (посильные размышления) [Электронный ресурс] / А. Н. Павленко; Минская коллекция рефератов. – Электрон. дан. – Минск, 1999. – Режим доступа: <http://library.by/portalus/modules/philosophy/referat...> – Загл. с экрана

Э.Геккель в 1866 году для обозначения биологической науки, изучающей взаимоотношение животных с органической и неорганическими средами.²

Но современная трактовка этого понятия получает порой прикладной характер и рассматривается в различных областях, в том числе и как музейная среда. В последнее время под экологической средой понимается – среда чистая и благоприятная для существования в ней.

Тогда экология музея состоит – в сохранении экспозиционных артефактов и их естественного существования в бытии настоящего. Прошлое «прячется» в пещере музея. Его внутреннее пространство несет на себе отголоски ритуальности, говорящей о «закрытости» бытия. Когда экскурсовод подобно актеру-проводнику оживляет и вскрывает «закрытость» музейной экспозиции, её бытие начинает соединяться с бытием настоящего, что требует баланса и гармоничного отношения прошлого и настоящего, а также равновесия между организованным порядком и текучей, изменчивой реальностью. Зритель привносит в музей профанное мировоззрение и очищается от соприкосновения с высокими проявлениями прошлого – артефактами предметно-пространственной среды музея. Театральный музей уже своей архитектурой и интерьерами погружает в атмосферу классицизма созданную архитектором К. Росси. Здание предназначалось для Дирекции императорских театров. Гармония пропорций фасада, ясная планировка, формирующая совместно с другими зданиями площадь А.Островского и начало улицы Росси, создают среду, не противоречащую законам природы. Залы музея своими окнами обращаются на Александринский театр и улицу Росси, а те в свою очередь служат камертоном для художественного уровня внутреннего пространства экспозиционных залов. Обратимся к одному из 18-ти залов, предназначенному стать экспериментальным театром. Здесь небольшое по размеру пространство используется под модель театра-трансформера. Моделируя театр, мы сталкиваемся все с тем же, что и в других залах – с «открытой закрытостью» и пытаемся преодолеть и понять её, но имеем дело фантомами наших представлений, которые, быть может, и превращаются в драму, комедию, театральное действие. Но музей всё равно останется закрытым, так как мы не способны «открыть прошлое состояние духа». Однако, сам процесс погружения в прошлое приводит нас к иллюзиям, защищающих нас в жизни.

Театр-трансформер (театр-арена) – та универсальная модель, которая своим современным бытием внедряется в пространство музея и дает «кислород», изменяя атмосферу музея. Зритель привносит свежее дыхание, оживляя объекты своего внимания тем что включает в бытие настоящего, которое вскрывает не только пространство музейной экспозиции, но и открывает бытие театра через новое прочтение пьесы, несущей прошлое бытие, а так же открытие персонажей, закрытых и мертвых, пока не войдет жизнь и энергия актера. Предлагаемая модель театра-трансформера совмещает разные трансформации сцены и зрительного пространства. Круг и кольцо взаимодействуют между собой: в одном случае круг вмещает зрительские ряды, на кольце же расположены мебель и элементы сценографии. Во втором случае – на кольце помещаются зрители, а на круге – оформление. Все это дополняется движением круга и кольца. Кроме того, предлагается возможность использовать порталную сцену, к которой примыкает кольцо, что позволяет видеть и участвовать в действии спектакля. Меняя точки восприятия и части декорации. Над сценой-ареной возвышаются двойные арочные конструкции, на которых

---

² Павленко, А. Н. Бытие у своего порога (посильные размышления) [Электронный ресурс] / А. Н. Павленко; Минская коллекция рефератов. – Электрон. дан. – Минск, 1999. – Режим доступа:<http://library.by/portalus/modules/philosophy/referat...> – Загл. с экрана

устанавливается световая и звуковая аппаратура. Удобно эксплуатировать её, так как смонтированы подсобные лестницы. Мобильность театрального пространства достигается и помощью штанкетного хозяйства на порталной сцене. Подобное решение пространства театра-трансформера универсально – оно как «кентавр» сращивает представление прошлого бытия театра, через порталную сцену, сцену-арену и амфитеатр, а так же – современный трансформер изменяющегося бытия сценической жизни, вмонтированный в пространство музея.

Итак, подводя итоги нашего исследования, можно предположить:

Во-первых, понимая экологию музея как атмосферу и среду благоприятную для существования артефактов экспозиции, а так же её взаимодействие и влияние на людей, можно сделать вывод: «экология музея» возможна лишь при раскрытии сущности музея в его предназначении;

Во-вторых, экология музея возможна, если человек не нарушит своей деятельностью эту функцию музея, а будет сохранять баланс бытия прошлого и настоящего;

В-третьих, экология музея возможна, если она переселяется в человека, когда он хранит память о прошлом бытии, существуя в настоящем.

Сергеева Надежда Николаевна
Аспирантка,
кафедры педагогики и психологии, МГИК

ФОРМИРОВАНИЕ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ВОКАЛИСТОВ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ В ВУЗЕ

Современная подготовка вокалистов в вузе отличается целым рядом новых тенденций и направлений, которые указывают на необходимость переосмысления содержания профессиональной подготовки в области вокального искусства. Изменившиеся требования к качеству подготовки вокалиста связаны с необходимостью усвоения студентами новых эталонов исполнительской деятельности, а также с сохранением своей неповторимой индивидуальности. Индивидуальность будущего вокалиста проявляется в процессе работы над интерпретацией вокальной музыки, а также выборе средств ее подачи. Поэтому в современной практике подготовки специалистов в сфере культуры и искусства, актуализируются вопросы эстетической направленности вокалиста, которые связаны с эстетическими чувствами и переживаниями, необходимыми для формирования профессиональных умений.

Анализ практики профессиональной подготовки вокалистов выявил некоторые противоречия в развитии эстетической направленности студентов творческих вузов, проявляющиеся в трудностях интерпретации музыкальных произведений. Так в частности были выявлены: разные уровни развития эстетического опыта, который складывается под влиянием средств массовой информации- телевидения (вокальные шоу-проекты, музыкальные передачи, музыкальные ринги и вокальные конкурсы, фестивали) и радио, где не всегда транслируют образцы высокой культуры вокального исполнения. В связи с чем, формирование эстетической направленности у будущих вокалистов требует более детального научно-практического изучения. Не случайно, Н.М. Семенюк пишет о необходимости развития эстетической направленности в системе современного образования:

"Современные условия предъявляют повышенные требования к профессиональной подготовке педагога, которые заключаются не только в овладении будущим специалистом фундаментальными знаниями и профессиональными умениями, но в значительной степени связаны с его духовным становлением, общекультурным развитием"[4, с.2]. Данный автор

указывает на то, что «Эстетическая направленность является не только составляющей профессиональной подготовки, но и может быть фактором повышения ее эффективности». Эстетическая направленность понимается им как целенаправленное и последовательное отражение в содержании и методике профессиональной подготовки педагога социокультурных ценностей с целью перевода их в личные качества, будущего специалиста, определяющие его эстетическое сознание (взгляды, потребности, идеалы), систему ценностных отношений, эстетически окрашенную деятельность (интеллектуальную, художественную и т.д.) [4, с.12]. Наряду с этим, эстетическая направленность вокалиста связана с его развитием и перспективами творчества – создания и раскрытия верного художественного образа. Совместно с педагогом студент включен в динамический процесс развития эстетического обогащения. В. П. Морозов отмечает, что "И невозможно переделать искусство, не перестроив жизнь и психологию живущих и творящих искусство людей" [2, с.116].

Эстетическое чувство возникает в художественном процессе, а именно на концертных выступлениях, во время занятий вокалом и работы с педагогом. Эстетически положительные чувства способствуют успешному выполнению поставленной задачи, а именно успешному выступлению, победы на конкурсе, выполнению технически сложных вокальных задач, раскрытию драматического образа. Эстетическая направленность профессиональной подготовки вокалистов – это и эмоциональная составляющая также, развитие эстетических чувств (вложенных в содержание драматургии вокального произведения, художественного замысла). М.Ф. Овсянников отмечает: "Единство положительных и отрицательных чувств определяется учеными понятием "эстетические чувства", что в свою очередь позволяет им утверждать, что, кроме эстетических, других чувств нет. К положительным эстетическим чувствам относятся прекрасное и возвышенное: если воспринимаемый мир (природа, искусство, разные виды творческого действия человека) соответствует идеалам воспринимающего и вызывает при этом умеренное положительное переживание, то эти чувства называют прекрасными; если же при этом отмечается интенсивность положительных переживаний, такие чувства называют возвышенными. К отрицательным – безобразное и низменное: если окружающая действительность не соответствует идеалам воспринимающего и вызывает отрицательные переживания, то эти чувства безобразны..." [3, с. 6-7]. О большом значении чувства (как эмоциональной составляющей) для активизации познавательной деятельности человека, можно встретить в трудах В.Г. Белинского, А.И. Герцена и др., и особенно в трудах И.П. Павлова, который своей исследовательской работой указал, что положительные чувства (эмоции) тонизируют работу коры головного мозга, а отрицательные тормозят и угнетают. То есть «эмоции влияют на содержание и внимание, воображение, память, мышление».[1, с. 494]. Здесь мы видим, что положительные чувства нужны не только для драматургии и художественного замысла, но и дают толчок к активному познавательному процессу. Оказывается, между эстетической направленностью профессиональной подготовки вокалистов и положительными чувствами (эмоции) есть взаимосвязь, которая целенаправленно профессионально развивает студента-вокалиста.

В процессе педагогической работы со студентами - вокалистами определились пути решения указанных проблем. Нами были проведены практические занятия с целенаправленным использованием эмоционально заданного компонента в работе над произведениями. В процессе занятий, педагог корректировал степень выражения эмоционального состояния студентов и уточнял адекватность, а также обучающийся, совместно с педагогом «проживали» драматургию произведения, находили точки опоры, важные моменты и акценты, прорабатывали нужные штрихи и детали. Тем самым складывался нужный образ и чувственная (эмоциональная) составляющая определенного произведения.

Даже самые тонкие и маленькие успехи студента-вокалиста, отмеченные преподавателем, способны дать толчок к лучшим результатам. Отмеченный хороший результат рождает эстетически положительные чувства, которые активизируют познавательный процесс у вокалиста, и возникает желание работать лучше и больше. А также, говоря о драматургии произведения и о высокохудожественном эталонном исполнении, большое влияние на положительное эстетическое чувство оказывает прослушивание мастеров эстрадно-джазовой вокальной музыки. Слушая эталонное исполнение, у слушающего студента возникают эстетически положительные чувства. Главным эстетическим чувством здесь выступает процесс воображения, причем конкретно *произвольного воображения*.

“Произвольное воображение - это осознанная, направленная деятельность, выполняя которую, человек отдает себе отчет относительно ее целей и мотивов. Оно характеризуется преднамеренным созданием образов. Активность и произвольность воображения могут сочетаться различными способами. Произвольное активное воображение проявляется в длительном, целеустремленном поиске нужного образа, что характерно, в частности, для деятельности писателей, изобретателей, художников. Глубокая взаимосвязь существует также между воображением и эмоционально-волевыми процессами. Одно из ее проявлений состоит в том, что при возникновении в сознании человека воображаемого образа он испытывает истинные, действительные, а не воображаемые эмоции, что позволяет избегать нежелательных воздействий и воплощать в жизнь желаемые образы. Л. С. Выготский³ назвал это законом “эмоциональной реальности воображения”³(5). Из этого следует, что процесс воображения и создания визуальных образов во время работы над произведениями, рождает эстетически положительные чувства.

Говоря об эстетической направленности профессиональной подготовки, мы обращаемся к деятельности преподавателя, которая рекомендует изучение методической, научной, а также чтение художественно-образной литературы, в том числе и литература о жизни и творчестве композиторов, писателей, художников и эпох; также рекомендует студенту посещение концертов мастеров эстрадно-джазового вокального искусства; а также опер, балетов, концертов классической и джазовой инструментальной музыки, в том числе и посещение выставочных картинных галерей и музеев; посещение семинаров, мастер-классов, урочных занятий ведущих преподавателей кафедры эстрадно-джазового и классического пения (народного пения); участие в конкурсах, фестивалях, семинарах по вокальному искусству, творческих вечерах и т.д.; работа над собой, как внешняя (систематические занятия вокалом, работа над дыханием, вокальной техникой, художественно-образной стороной исполняемых произведений), так и внутренняя (постоянная работа мозга в направлении обучения, изучения и поиска информации, мысленная проработка полученной информации на уроках, концертах, семинарах и т.д.); выработка своего неповторимого стиля исполнения и подачи себя на сцене не просто как вокалиста, но и артиста.

---

³ **Лев Семенович Выготский** (1896—1934) — выдающийся ученый, мыслитель, классик отечественной психологии. Его наследие огромно (более 270 работ), а идеи неисчерпаемы, оригинальны и до сих пор актуальны. Он оказал огромное влияние на развитие отечественной и мировой психологии. Известный американский философ С. Тулмин назвал его Моцартом в психологии. Работая в сложных условиях, за очень короткое время ему удалось внести важный вклад в психологию искусства, общую психологию, детскую и педагогическую психологию, пато- и нейропсихологию, методологию психологии, дефектологию и педагогику.

И так, что касается эстетической направленности личности будущего вокалиста, необходимо обращать внимание на целостность и качество интерпретации вокально-музыкальных образов, драматургии и художественного развития исполняемого произведения. Процесс профессиональной подготовки вокалиста определяется всей системой взаимодействия педагога со студентом, его интеллектуальным развитием и потребностью к познанию нового. Определяется желанием находиться в соответствующей среде, которая и дает толчок к развитию чувства прекрасного.

Литература

1. Большая советская энциклопедия: В 30-ти томах. - 3-е изд. - М.: Сов. энциклопедия, 1978. - Т. 30. -С. 169, 493-494.
2. Морозов В. П. Искусство резонансного пения. Основы резонансной теории и техники. МГК им. Чайковского, ИП РАН, Центр « Искусство и наука». М., Научно-издательский центр «Московская консерватория», Институт психологии РАН, 2008. – 592с., илл.
3. Овсянников М.Ф. История эстетических учений. – М., «Искусство» Москва, 1977. – 201 с.
4. Семенюк Н.М. «Эстетическая направленность профессиональной подготовки педагога» Сходня- 2004., 192 с.
5. <http://www.grandars.ru/college/psihologiya/voobrazhenie.html>

Сорокин В.М.

*кандидат психологических наук, доцент,
Санкт – Петербургский государственный университет*

ОБРАЗ ИНВАЛИДА В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ И ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНЫХ УСТАНОВОК К ЛИЦАМ С ОТКЛОНЕНИЯМИ В РАЗВИТИИ (на примере картин М.В. Нестерова и Г. М. Коржева)

Художественные образы людей с отклонениями в развитии есть определенная попытка не только дать характеристику их социального положения, но и стремление проникнуть в их психологию. В этом отношении богатый литературный и живописный материал представляет собой особую форму существования психологии, к великому сожалению, еще так мало востребованный современными исследователями.

Классическим примером художественного анализа психологии слепого человека можно считать повесть В.Г. Короленко «Слепой музыкант»

Глаза человека один из наиболее выразительных элементов его внешности, а взгляд важнейшее паралингвистическое средство общения между людьми. Видимо, в силу этого в живописи и скульптуре образ незрячего встречается чаще остальных форм инвалидности, так как обладает особой аномальной пластической выразительностью.

В подавляющем большинстве образ слепого представлен как символическое воплощение беззащитности, страдания, одиночества, несправедливости, нищеты. Очень часто слепые изображены как народные сказители, бродячие музыканты и певцы, люди просящие подаяния, или погруженные в глубокие рефлексивные близкие к трансу раздумья.

Складывается впечатление, что образ незрячего с точки зрения решения художественных задач, воплощения авторского замысла весьма удобен для однозначного воздействия на нравственное и эстетическое сознание зрителя. Иначе говоря, форма становится самоцелью и более важной, чем содержание. В этом ряду встречаются редко исключения. Хрестоматийными примерами в этом отношении могут выступать картины фламандского художника П. Брейгеля старшего, Рембрандта, И.Е. Репина, Ф. Гойи и др.

В том же ряду стоят картины М.В. Нестерова «На Руси. Душа народа» Г.М. Коржова «Беседа»

Первая из них трагико-эпическое произведение, в которой М.В. Нестеров он выступает не только как гениальный художник, но и как прозорливый философ. По своему сюжету картина воспроизводит многолюдье крестного хода. Но это символическое шествие, ибо оно объединяет персонажей разных периодов русской истории. Художник показывает Россию во всей ее духовной и интеллектуальной мощи.

У М.В. Нестерова – мыслителя не бывает в картинах случайных деталей. Не случайным можно считать и то, что на самом переднем плане картины помещен не образ Спасителя или писателей и мыслителей. На переднем плане мы видим ослепшего солдата в шинели образца первой мировой войны, которого ведет за руку сестра милосердия. Именно эти образы для М.В. Нестерова являются смыслообразующими всей картины.

Сестра милосердия как образ в своем визуальном построении читается весьма однозначно как ангел спаситель, символ непобедимости добра и вечности служения ему. Незрячий солдат – прежде всего, бескорыстие и жертвенность в служении отечеству. Вместе с тем это стойкость, мужество и душевная сила, не дающая пасть духом даже в отчаянной ситуации. И, наконец, подвиг, не возвышающий героя над народом, а только сплывающий его еще сильнее с ним.

Слепота в данном случае не слабость и разъединенность, а сила единства, не дающая человеку сбиться с пути и погибнуть. Как образ самого солдата, так и эмоциональный тон картины проникнут мощными нотами жизнеутверждающей уверенности в силе и вечности Руси.

Композиционно фигуры ребенка, юродивого и слепого воина образуют равнобедренный треугольник, символизируя триединое начало русского исторического бытия – прошлого, настоящего и будущего. В основе этого треугольника лежит православная вера, народность и духовное наследие. Именно последнее в сочетании с первыми тремя композиционными элементами образуют геометрию креста.

Размышлениям о прошлом и будущем в судьбах России посвящено другое полотно выдающегося российского художника Г.М. Коржова (1925 г.р.) – картина «Беседа», создававшаяся с 1980 по 1985 гг. Внушительное по размеру полотно вмещает в себя неполные, почти погрудные изображения двух фигур. На картине запечатлен момент беседы В.И. Ленина с неизвестным слепым крестьянином. Беседа проходит на фоне древней стены одного из кремлевских соборов.

Картина Г.М. Коржова исключительна и по необычности сюжета и по смелости реализации замысла для поздней ленинианы 80 годов в силу очевидной двойственности трактовки. Использование образа инвалида в советском искусстве вообще редкость. А в лениниане первый и исключительный случай.

Ленин в изображении Г.М. Коржова так правдив и убедителен, в противоположность правдоподобию его образов в советском искусстве того времени, что даже явно нарушение канонов ленинианы осталось незамеченным критикой.

Так каноничность изображения Ленина требовала чаще всего того, чтобы окружающие его персонажи должны выступать как визуальным, так и смысловым фоном для образа вождя. Быть в пространственном или смысловом отношениях равнозначными Ленину они не могли, последний

неизменно должен выступать в своих привычных ролях вождя, трибуна, учителя, защитника, мыслителя – человека абсолютной и непререкаемой правоты. Крестьянин явно не согласен с Лениным, но он не воспринимается нами как враг. Он носитель своей правды. Трагедия по своей сути – это столкновение двух правд. В этом основной смысл картины

Интересно отметить, что в образе слепого изображен именно крестьянин, а нерабочий или солдат потерявший зрение в боях за революцию. Крестьяне воспринимались большевиками настороженно, как носители собственнической идеологии, как что – то природное и неуправляемое.

Нарушение канона размерности проявляется в картине в том, что рядом с Лениным изображена огромная значительно выше и крупнее его фигура крестьянина, которая как в визуальном - композиционном, так и в смысловом отношении явно доминирует в картине. Кроме того, канон не допускает изображать рядом с Лениным больных, калек, инвалидов. Рядом с вождем должны быть сильные физически и духовно люди. Здесь же рядом с вождем мы видим гигантскую фигуру незрячего седого старика. В его исполинской фигуре есть что – то былинное. Обычно канон предписывал Ленину роль активного персонажа на картине. Остальные должны внимательно ему вникать. На картине Г.М. Коржова Ленин молчит и бездействует. Никакой беседы заявленной в названии нет. Собеседники недружелюбно развернуты друг к другу на 90 градусов и при этом не смотрят друг на друга. Фигура Ленина стоящая в перпендикулярной плоскости к крестьянину воспринимается как совершенно изолированная, находящаяся просто в другом измерении. Интересно, что мы не видим ни глаз, ни рук Ленина в отличие от детально прописанных лица и сильных рук крестьянина. При всей обобщенной символичности образ крестьянина одновременно очень конкретен и создает ощущение, что написан с натуры

Речь идет скорее не о беседе, а о законченном споре, где каждая из сторон осталась при своем мнении. В облике Ленина сквозит неуверенность и подавленность. Незрячий же старик не выглядит слабым и беспомощным инвалидом, пришедшим просить у Ленина помощи, поддержки, защиты или, по крайней мере, совета. Он олицетворяет собственную правду и силу, он символ патриархальной Руси, воплощенной в образе седовласого слепого старика.

Слепота крестьянина метафора. Народ слеп физически в своей несправедливости, но духовно зряч. Власть духовно слепа и глуха. Народ мудр, несмотря на свою слепоту. Вождь слеп, несмотря на свою просвещенность.

Оба художника смогли подняться над бытовым стереотипным символизмом образов слепых. Они смогли вложить в них высокую социальную идею не связанную с физической увечностью, что мало кому удавалось в практике мирового искусства.

К ВОПРОСУ О ФЕНОМЕНЕ КРЫМСКОГО АВТОНОМИЗМА (ПОЛИТИКО-КОНЦЕПТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Крымский автономизм как политический феномен отчетливо проявил себя на различных этапах исторического развития крымского региона. После распада СССР крымская автономия способствовала защите законных прав и интересов крымчан в условиях пребывания Крыма в составе Украины. В 2014 году институт крымской автономии сыграл одну из ключевых ролей в событиях «Крымской весны», в ходе которых полуостров снова вошел в состав России. Эти обстоятельства обуславливают необходимость дополнительного осмысления феномена крымского автономизма. В качестве методологического ориентира исследования мы будем использовать методологию политико-концептологического анализа.

Автором политико-концептологического подхода к пониманию политической реальности является российский исследователь В.П. Макаренко. Данный подход основывается на исследовании ценностных, аксиологических качеств, присущих политическим концептам и концептуальным образованиям, выражающимся в ориентире, стремлении людей к тому, что значимо для каждого из них [2]. Политико-концептологический подход, в частности, предполагает исследование корреляций ценностей с политическими институтами [4, с. 9].

Представляет интерес ценностный подход политической концептологии к пониманию взаимосвязи автономизма с правом на самоопределение и взаимосвязи автономизма с сепаратизмом. В.П. Макаренко отмечает, что право самоопределения выражает легитимные интересы всех групп. В зависимости от условий эти интересы выражаются во множестве комбинаций конкретных прав, включая право на ту или иную форму (степень) политической автономии. Называя сецессию крайним выражением права самоопределения, исследователь уделяет внимание анализу аргументов, обосновывающих право сепаратных групп на отделение. Среди наиболее распространенных исследователь называет такие аргументы, как: ликвидация последствий прошлых аннексий; самозащита; дискриминация в распределении [4, с. 189]. Каждый из этих аргументов имеет ценностную составляющую. Поэтому, в сфере реальной политики происходит борьба не только интересов, но и ценностей, а политические элиты центра и регионов пытаются обосновать свое право на определенную территорию на основе тех или иных политических ценностей.

Рассмотрим феномен крымского автономизма с точки зрения анализа политических ценностей.

Крымский автономизм, как политический феномен имеет глубокие исторические корни. Крымский полуостров исторически находился в сфере влияния различных государств. Как отмечает С.Н. Киселев, циклы геополитической истории региона связаны с периодами усиления в регионе Черного моря тех или иных государств. Их попытки расширить свое влияние в регионе имели различные формы – от создания колоний и опорных пунктов (торговых и военных баз) до создания циркумпонтийских держав [3]. Влияние этих государств распространялось и на Крымский полуостров. Одновременно, на территории полуострова создавались региональные государственные образования, которые были вынуждены выстраивать отношения соподчиненности с государствами – региональными лидерами в Причерноморском регионе.

Так, греческие города-государства на территории полуострова ещё во 2 веке до нашей эры оказались в сфере влияния Понтийского царства, после чего на протяжении длительного времени пребывали под протекторатом Римской империи, а после её распада – вошли в состав Византийской империи. В XIII – XV веках влияние на Крым распространяло монголо-татарское государство Золотая орда, основавшее в степном Крыму свой Крымский улус. В 1443 году на базе Крымского улуса Золотой орды было создано Крымское ханство, которое вышло из состава распадающейся Орды.

После уничтожения Византийской империи наступил период доминирования в Причерноморском регионе Османской империи. В конце XV века турки захватили генуэзские колонии Кафу и Солдайю в восточном Крыму, разрушили Мангуп – столицу Княжества Феодоро (регионального государственного образования в юго-западном Крыму). Под протекторат Османской империи попало и Крымское ханство – хан Менгли - Гирей признал себя вассалом турецкого султана. Следует отметить, что власть Османской империи в Крыму в большей мере основывалась на политических и экономических, чем на гражданско-патриотических и духовных ценностях. Захватив генуэзские колонии и уничтожив княжество Феодоро, Османская империя основала на данных территориях Кафский санджак – административно-территориальную единицу Османской империи, управляемую турецкой администрацией [5, с.20 - 21]. Степная часть Крыма осталась за Крымским ханством. Крымское ханство стало одним из плацдармов и орудий турецкой экспансии в Европе. Фактор общности военно-политических и экономических интересов Османской империи и Крымского ханства сочетался с религиозным и языковым факторами. Единство религии и сходство языков во многом являлись ценностной составляющей, которая облегчила политическое взаимодействие между Османской империей и Крымским ханством.

В конце XVIII века Крымское ханство было выведено из состава Османской империи Российской империей и временно стало независимым (в соответствии с Кючук-Кайнарджийским договором 1774 года). В 1783 году крымский хан Шагин - Гирей отрекся от престола и Крымский полуостров был включён в состав Российской империи. Включив в свой состав Крым, Российская империя изменила систему управления регионом. Крымский полуостров вошел в состав Таврической области, а затем – Таврической губернии (кроме крымских уездов Таврическая губерния включила в себя 2 уезда к северу от Перекопа). Создание Таврической губернии соответствовало унитарной природе Российской империи.

Система ценностей, с помощью которых Россия обосновывала вхождение Крыма в свой состав, основывалась не только на политических и геополитических интересах (связанных, в частности, с базированием в Севастополе российского Черноморского флота), но и на гражданско-патриотических, культурных и религиозных ценностях.

В конце XVIII – XIX веках Крым стал объектом творческого вдохновения многих выдающихся деятелей российской культуры. Россия внесла значительный вклад в социально-экономическое развитие Крыма, в развитие на территории полуострова промышленности, сельского хозяйства, архитектуры, в становление Крыма как значимого курортно-туристического центра общероссийского масштаба.

В этническом плане Россия придерживалась ценностей мультикультурализма. Так, в Манифесте Екатерины II «О принятии Крымского полуострова, острова Тамана и всей Кубанской стороны под державу Российскую» содержалось положение о защите экономических и религиозных прав представителей новых этнических групп, оказавшихся в составе России (в частности, – крымских татар).

В духовном плане Россия традиционно подчеркивала связь Херсонеса, где в 988 году крестился князь Владимир, с крещением Руси.

Гражданско-патриотические ценности, связанные с Крымом, с особой силой проявились в период Крымской войны 1853 – 1856 годов, в ходе которой войны

Русской армии проявили примеры высокого героизма и доблести в защите Крымского полуострова от интервенции на его территорию войск коалиции ряда европейских государств (Великобритании, Франции и Сардинского королевства).

Институциональное оформление крымского автономизма произошло в начале XX века, в условиях распада Российской империи. После Октябрьской революции 1917 года, в реалиях дезинтеграции территории бывшей Российской империи, представители большевистской партии, захватившие власть в стране, взяли курс на построение федерации нового типа. Основу новой федерации составили союзные республики, обладающие декларативным суверенитетом, и автономии в составе союзных республик. Созданию в 1921 году Крымской АССР в составе РСФСР предшествовало существование на территории Крыма двух формально независимых советских республик – Советской Социалистической Республики Тавриды (1918 год) и Крымской ССР (1918 год). Ценности самоопределения и автономизма позволили руководству советского государства в 1918 году оказать противодействие претензиям на Крым и Черноморский флот Германии и зависимых от Германии Украинской Народной Республики и Украинской державы Гетмана Скоропадского, не нарушая при этом условий Брестского мира с Германией [1, с. 2-3], а в 1919 году – претензиям на Крым государств – членов Антанты.

Как известно, в 1944 году Крымская АССР была упразднена и преобразована в Крымскую область. В 1954 году Крымская область по инициативе Н. Хрущева была передана в состав УССР.

Воссоздание Крымской АССР в 1991 году было во многом обусловлено распадом СССР, возвращением в Крым крымских татар и выходом Украинской ССР из состава СССР вместе с Крымом. Институт крымской автономии (с 1992 года она стала называться Республика Крым) стал ценностью для русских и русскокультурных жителей Крыма, которые рассматривали автономизм как форму защиты от украинского этнократического унитаризма.

В событиях «Крымской весны» 2014 года, в ходе которых Крым вернулся в состав России по итогам референдума от 16 марта 2014 года, просматривается ценностный компонент. В ситуации «Крымской весны» сработали такие ценностные аргументы в пользу права на отделение от Украины, как: самозащита и ликвидация последствий прошлых аннексий.

В целом, проведенное исследование подтвердило наличие в крымском автономизме мощного аксиологического поля, которое, в частности, стало одной из движущих сил воссоединения Крыма с Россией.

Литература

1. Гарчев П. И., Гарчева Л. П. О создании и значении крымских советских республик в 1918 – 1919 гг. / П. И. Гарчев, Л. П. Гарчева // Информационно-методический бюллетень. Выпуск четвертый. – Симферополь, 1990, с. 1- 11.

2. Заколотный Р.А. Концептология: аксиологический анализ политических концептов // Гуманитарные научные исследования. – Февраль 2012. - № 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2012/02/647> (дата обращения: 9.12.2015).

3. Киселёв С. Циклы геополитической истории Причерноморья и «Малая игра» [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: // <http://www.kreho.info/index.php?name=News&op=article&sid=9606>

4. Макаренко В.П. Политическая концептология: обзор повестки дня. – М.: Праксис, 2005. – 368 с.

5. Тунманн. – Крымское ханство. – Симферополь: Таврия, 1990. – 96 с.

Феоктистова Оксана Анатольевна

кандидат политических наук,

Сыктывкарский Государственный Университет им.П.Сорокина, заведующая лабораторией по изучению социально-политических процессов «Праксис»

СКАЗАНИЕ ПРО ВЫБОРЫ В РЕСПУБЛИКЕ КОМИ

«Черная суббота» 19 сентября 2015 года в Республике Коми стала главным информационным событием российской антикоррупционной повестки уходящего года. Впрочем, события, приведшие к аресту всей правящей верхушки Республики, политологам еще только предстоит оценить. Но, уже очевидно, что, вне зависимости от решения судебной инстанции о виновности или невиновности фигурантов уголовного дела, последствия данного события сказались на общеполитической ситуации в стране в целом. Исполнительная власть целой Республики, Республиканское отделение партии «Единая Россия» оказались обезглавленными, ровно через год после победы арестованного ныне В. Гайзера на выборах губернатора с результатом 79%, и через неделю после выборов Госсовета Республики Коми, где партия власти набрала почти 60% голосов.

18 сентября 2016 года состоятся выборы Государственной Думы и нового Главы Республики. В этой связи интересным будет взгляд на события прошедших выборов через призму последних событий.

Выкрики «с галерки» о тотальных фальсификациях уже никого не удивляют, ничем не подтверждаются и, что не менее важно, имеют под собой желание видеть хаос, вместо структуры. Тенденции хода голосования, как в Республике Коми, так и в общероссийском масштабе четко выявляют объективные закономерности, которые невозможно игнорировать. Мониторинг, публикации в СМИ, обилие агитационных мероприятий, эфиры телевидения и наружная реклама - все свидетельствует о том, что ограничений для участников избирательного процесса не было. И эта визуальная конкурентная борьба – прекрасный материал для исследователя.

Лидер в номинации «сюрприз кампании» - региональное отделение партии ЛДПР. С одной стороны - 13-е число стало счастливым для Михаила Брагина. Под его руководством региональное отделение партии завоевало вторую позицию на выборах в Госсовет. Впрочем, с другой стороны, время покажет, что на самом деле принесли эти выборы для регионального отделения ЛДПР. Михаил Брагин сегодня находится в следственном изоляторе, и, исходя из официальной информации речь в уголовном деле идет, в значительной степени, о внутривнутрипартийных противоречиях.

Партия ЛДПР впервые стала второй, обыграв коммунистов. Впрочем, удачей завоевание второй позиции в списке партий вряд ли стоит объяснять, скорее - закономерностью. И тому есть как субъективные, так и объективные причины. В чем же секрет партии Жириновского? На этот вопрос можно ответить, если обратиться к истории понятия «архетип». Этот термин ввел ученик З. Фрейда и основатель аналитической психологии швейцарец К.-Г. Юнг. Теория Юнга об архетипах - это своего рода эволюционная теория Дарвина, но только в приложении к психике. «Наша историческая память хранит «файлы», которым миллионы лет. При определенных обстоятельствах эти «файлы» активизируются. Сам Юнг указывал на то, что когда плотина сознания разрушается под воздействием разного рода факторов, бессознательное вырывается наружу и заполняет все свободное пространство. Когда такое происходит на уровне отдельной личности, то это чревато неадекватными реакциями и поведением индивида. Когда подобные процессы охватывают большие группы населения, то это выливается в бунты, революции и прочее» [1. с.12]

Дарвинизм учит, что на протяжении миллионов лет с телом человека происходили постепенные изменения, фрагменты которых обнаруживаются в

реликтовых остатках, доставшихся нам от наших диковатых предков. К ним, например, относятся аппендицит или зубы «мудрости». Примерно также, по мысли Юнга, дело обстоит, и с областью человеческого бессознательного – в нем заключены *«мифологические мотивы»*. [2.с.31]

Ключевые архетипы коллективного российского национального бессознательного формировались в период противостояния «дикому полю». Еще в дохристианскую пору в русской традиции появился архетип «матери-земли». Геополитическое положение России таково, что Матери постоянно угрожала опасность. Поэтому в русских сказаниях и былинах столь явственно проступает культ физической силы богатырей-защитников. Мобилизационное сознание является архетипичным для нашей национальной культуры и геополитики. И в этот архетип, востребованный на уровне коллективного бессознательного, как в «яблочко» (но не в «Яблоко») попадает образ и идеологические установки партии ЛДПР, что во многом и определило ее «живучесть» и востребованность на политическом небосклоне. Субъективной же причиной успеха местных либерал-демократов является харизма регионального лидера - Михаила Брагина, который находится в «стилистике» федерального вождя, но кроме того, обладает еще одним важным личным качеством, особенно ценящимся сегодня - искренностью. Роль харизмы лидера, многократно описанная классиками, безусловно, один из решающих аргументов, как в сторону победы политической партии, так и в сторону ее поражения. Что мы и наблюдали в ходе прошедшего голосования.

Итоги выборов для регионального отделения КПРФ можно назвать провалом. Кризис руководства, который выплеснулся в сферу публичного обсуждения, отсутствие лидера, нечеткая идеологическая установка – все эти факты позволяют говорить о «проигрыше коммунистами самим себе».

Между тем, коммунистическое движение со счетов списывать не стоит. Неомарксизм, который пока, не стал идеологической установкой местных коммунистов, в мировой практике набирает обороты. Теория И. Валлерстайна «мир-система» - новый взгляд на марксизм, и даже скорее идеологическая установка на возвращение к истинному, не вульгаризированному учению, который в процессе глобализации может дать новый импульс к развитию всемирного пролетарского движения, о котором Маркс собственно и писал.

Пока фундаментальные установки на обновление коми-коммунистам КПРФ непонятны, что и показали прошедшие выборы в Госсовет. Более важным и интересным являются мелкие скандалы, в которых неоднократно в ходе предвыборной агитации КПРФ фигурировала.

Ошибки коммунистов привели к оттоку протестного движения в пользу «темной лошади» прошедших выборов - «Справедливой России». Это можно назвать субъективным обстоятельством завоёванного третьего места в рейтинге партий, но не стоит забывать и об объективных условиях.

Понятие «Справедливость» для России является сакральным. Прекрасно этот архетип описал Н. Островский «Так как судить: по закону или по справедливости?». Выбор понятен – «по справедливости» [3, с.38]. Морально-этические нормы выше закона, потому что справедливее. Справедливость – суть исконной правды и условие устройства общества и власти.

В коллективном российском бессознательном образ власти всегда был двоичен: царь жестокий, но справедливый и лжецарь. «Выделяется общее основание, по которому цари делятся на «плохих» и «хороших». Это разделение по принципу «свой-чужой». «Хороший» царь – он «свой» и поэтому имеет право быть жестоким. Ему прощается все при одном условии. Он должен быть сильным. «Плохой» царь – это чужак и предатель. [4 с.11]

Если наложить эту схему на российскую историю, то можно выделить в ней характерные исторические периоды: правление сильных царей, правление лжецарей, богатырей-спасителей Родины. Иными словами для российской истории характерно чередование постоянно повторяющихся сюжетов. И в этом контексте партия, включившая уже в свое название установку на попадание в востребованный архетип «справедливости» имеет хорошие условия для старта.

Надо отметить, что в списке справедливороссов на выборах в Госсовет Республики Коми появилось немало известных фамилий. Партия заметно укрепила свой рейтинг и за счет личного рейтинга кандидатов. В общем - хороший старт на предстоящих Парламентских выборах. Правда, справедливороссам придется решить очень важную идеологическую головоломку: борьба за справедливость требует противника, эту справедливость отбирающего. Кто будет этот враг в рамках предстоящей федеральной кампании?

И теперь о «малых партия». Само появление этого обобщающего понятия в комментариях уже и является объяснением провала «Родины», «Патриотов России», «Коммунистов России». Сложно разобраться избирателю, когда партии действуют рядом, на одном поле — они сливаются в общественном сознании. Ясность кампании, определенность позиций и лидер с харизмой — единственное, что может дать им шанс двигаться дальше. Ничего этого пока нет. Отметим только, что само появление альтернативных коммунистов подтверждают наше предыдущее рассуждение о запросе на обновление коммунистических идеалов.

И теперь о победителях – правящей партии. Рейтинг федеральной власти и лично Президента, так же и как высокий рейтинг доверия региональному лидеру, подтвердившийся в ходе прошедших выборов Главы Республики, не ставил под сомнение победу единороссов. Вопрос в масштабе этой победы. «Выборы выигрываются на старте» - аксиома политических технологий. Фактическим стартом стало проведение в апреле и мае внутрипартийного голосования (праймериз). Курс, взятый партией на обновление команды, был реализован. Внутрипартийное голосование было фактически превращено в общенародное. Это публичное выставление рейтингов можно сравнить с кровопусканием. Жестко, но справедливо, как того требует наше коллективное бессознательное.

События же, связанные с уголовным преследованием первых лиц списка партии «Единая Россия», привели к тому, что «последние и технические стали первыми». И теперь именно они должны будут отстаивать позиции партии на Выборах в Государственную Думу и поддерживать кандидатуру нынешнего ВрИО Главы. А как им это удастся – покажет время.

Литература

1. Феоктистова О.А., Цуладзе «Россия-СССР- Россия: мифология власти» - Ханты-Мансийск, 2010. С.12
2. Юнг К.Г. Аналитическая психология. С-Пб. 1994. С. 31.
3. Островский. Горячее сердце. 1869 г. Собрание сочинений в 10-ти томах, М. Государственное издательство Художественной литературы 1960, т. 5. С 38.
4. Феоктистова О.А., Цуладзе «Россия-СССР-Россия: мифология власти» - Ханты-Мансийск, 2010. С.11-12

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Новгородцева Анастасия Николаевна

кандидат социологических наук,

Уральский федеральный университет,

доцент кафедры теории и истории социологии

Яценко Эдуард Владимирович

Уральский федеральный университет

ОТНОШЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ ЕКАТЕРИНБУРГА К ЛГБТ-ОБЩНОСТИ

Лесбиянки, геи, бисексуалы и трансгендеры (ЛГБТ) существуют в мире ровно столько, сколько существует человечество, хотя не всегда так назывались. Аббревиатура ЛГБТ начала использоваться в США в 1988 году, основной задачей данной аббревиатуры было показать многообразие сексуальных и гендерных культур, которые могут определять личность [1]. В современной терминологии данная аббревиатура чаще встречается как «ЛГБТ - общность» и «ЛГБТ – сообщество». В каждой стране и культуре отношение к представителям ЛГБТ различно, это имеет и культурно-исторические и этические причины.

Актуальность обращения к теме ЛГБТ-общности в России связана с попыткой анализа введенной в Кодекс административных правонарушений статьи о пропаганде нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних [2]. Необходимо понять, насколько россиян волнует данная тема, и какие сложились мнения по этому поводу.

С целью определения отношения жителей мегаполиса к представителям «ЛГБТ-общности», было проведено конкретное социологическое исследование. Эмпирической базой исследования послужил проведенный социологический опрос в апреле 2015 г., среди жителей города Екатеринбурга в возрасте от 18 до 45 лет. В опросе участвовало 267 респондентов. Данное исследование проводилось путем интернет опроса с использованием сервиса «google формы» на площадке социальной сети – Вконтакте (vk.com).

По результатам опроса прослеживается следующая тенденция в определении личного отношения респондентов к представителям «ЛГБТ-общности», 69% опрошенных респондентов считают, что представители ЛГБТ-сообщества не нуждаются в какой-либо поддержке, а наоборот их нужно огородить от общества или подвергнуть принудительному лечению, административному или уголовному наказанию.

По мнению большинства опрошенных (80%) представители ЛГБТ – сообщества, не имеют право на усыновление, а 87% - на проведения гей-парадов. 50% от опрошенных не готовы работать вместе с представителями нетрадиционной сексуальной ориентации.

Таблица 1.

Мнения респондентов о причинах нетрадиционной сексуальной ориентации

Значение	% от опрошенных
Болезнь, которую нужно лечить	34%
Результат плохого воспитания, распушенность, вредная привычка	23%
Результат совращения (в семье, на улице, в закрытом учреждении)	17%
Данная от рождения сексуальная ориентация, имеющая такое же право на существование, как и гетеросексуальная ориентация	16%

Относительное большинство опрошенных считает, что нетрадиционная сексуальная ориентация это болезнь, которую надо лечить (34% - подробнее см. Таблица 1). Предложенные альтернативы можно разделить на те, что помещают причину гомосексуальности внутрь человека – «болезнь» и «данная от рождения сексуальная ориентация», и те, которые предполагают, что человек становится гомосексуалистом под воздействием извне – «результат соvrращения» и «плохого воспитания». Первые два фактора дают в сумме 50%, вторые – 40%. Стоит отметить, что среди респондентов, которые посчитали что нетрадиционная сексуальная ориентация это болезнь, преобладает группа со средним общим и средним специальным уровнем образования – 16%.

Попытаемся выделить социальные мотивы, оказывающие влияние на отношение к представителям «ЛГБТ - общности». Основываясь на полученных данных, стоит выделить два уровня сопричастности респондентов к представителям ЛГБТ: первый – отсутствие опыта знакомства с представителями ЛГБТ, и второй – наличие факта знакомства с представителями ЛГБТ.

72% опрошенных респондентов не имеют среди знакомых, представителей сексуальных меньшинств и лично с ними не общались. Для данной группы характерно в целом негативное отношение к представителям сексуальных меньшинств, что выражается в наличии предубеждений и воспроизводстве сложившихся негативных стереотипов.

Были выделены следующие устойчивые стереотипы:

1. Нетрадиционная сексуальная ориентация – это болезнь.
2. Люди с нетрадиционной сексуальной ориентацией являются (гомосексуалисты) распространителями венерических заболеваний (в частности СПИДа).
3. Сексуальные меньшинства – это аморально, они воздействуют на общество крайне негативно.
4. Сексуальные меньшинства противоестественное явление в России, их появление связано с влиянием западной культуры и интернета.

Второй уровень сопричастности характерен для 27% опрошенных респондентов, которые имеют среди знакомых представителей сексуальных меньшинств и относятся к ним положительно.

Как следует из приведенных данных выше, большинство – это люди, которые негативно относятся к представителям ЛГБТ-сообщества. Но интересным является вопрос: насколько далеко распространяется это негативное отношение?

В ситуации, когда респондентам было предложено суждение «Как следует поступать с представителями нетрадиционной сексуальной ориентации?». Относительное большинство респондентов считает, представители нетрадиционной сексуальной ориентации должны подвергаться лечению и психологической помощи - 54% от опрошенных (первый по популярности ответ). Второй по популярности ответ предполагает, что сексуальные меньшинства стоит ликвидировать или изолировать от общества (21%). Данный показатель может свидетельствовать о существовании в обществе такого явления, как гомофобия.

Рисунок 1. Сводная таблица мнений респондентов о мероприятиях и законах, касающихся ЛГБТ-сообщества

Большинство опрошенных респондентов, а именно - 87%, против проведения гей-парадов, в крупных городах России. Примерно, такое же количество респондентов высказались против заключения однополых браков - 88% (Подробнее см. Рисунок 1).

37% респондентов считают, что люди с нетрадиционной сексуальной ориентацией должны подвергаться дискриминации в сфере труда, при этом - 21% и 29% респондентов проявили бы настороженность или резкую неприязнь, если бы им пришлось работать вместе с представителями нетрадиционной сексуальной ориентации, что в сумме дает - 50%.

Относительное большинство, а именно - 47% считают, что государство должно принимать какие-либо меры для борьбы с нетрадиционной сексуальной ориентацией. Примерно столько же респондентов - 45%, положительно относятся к принятому закону о запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений.

Завершая анализ, выделим ниже особенности восприятия ЛГБТ-сообщества представителями разных социально-демографических групп.

В ходе исследования было зафиксировано, что представители женского пола более лояльны к ЛГБТ, чем представители мужского пола.

Среди группы респондентов с высшим образованием выявлено более лояльное отношение к сексуальным меньшинствам. Следовательно, чем ниже уровень образования, тем люди более склонны негативно относиться к представителям ЛГБТ-сообщества.

Возраст также имеет значение, помимо пола и уровня образования респондентов. Была выявлена самая настороженная группа респондентов в возрасте от 36 до 45 лет (напомним, что 45 лет – это наиболее старшая группа среди участников опроса), те, кто отмечает необходимость ликвидации или изоляции представителей ЛГБТ-сообщества от общества.

В заключение статьи отметим, что уровень информированности о ЛГБТ сообществе достаточно высок. 83% участников опроса сообщили о том, что знают о существовании данной группы. 27% опрошенных указали, что имеют среди знакомых представителей ЛГБТ. Основным выводом исследования является следующий: опыт

или факт личного знакомства оказывает наибольшее влияние на оценку и восприятие представителей ЛГБТ. Личное знакомство повышает уровень лояльности и терпимости, отсутствие знакомства провоцирует подражанию или воспроизводству сложившихся негативных стереотипов.

Список литературы

1. ЛГБТ-сообщество // Словарь гендерных терминов. [Электронный ресурс] - Режим доступа - <http://a-z-gender.net/lgbt-soobshhestvo.html> (дата обращения 14.02.2015 г.).
2. Статья 6.21. Пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних // Кодекс об административных правонарушениях, N 195-ФЗ [Электронный ресурс] - Режим доступа - <http://www.zakonrf.info/koap/6.21/> (дата обращения 12.03.2015 г.).

Новикова Е.Ю.

студентка 3 курса

Горно-Алтайского государственного университета

АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ ПОДРОСТКОВОЙ АЛКОГОЛИЗАЦИИ

В статье предпринята попытка исследовать проблемы алкоголизации среди несовершеннолетних и изучить аспекты социально-педагогической деятельности по решению проблемы профилактики алкоголизации среди школьников, как одного из направлений работы социального педагога.

Проблема борьбы с пьянством и алкоголизмом актуальна для большинства стран. Широкая реклама и продажа алкогольных напитков, социальная, экономическая и психологическая напряженность способствовали росту алкоголизации населения, в особенности среди молодого поколения.

Проблема алкоголизма в подростковом и даже детском возрасте в последние годы стала чрезвычайно актуальной. Значимость рассматриваемой проблемы обусловлена следующими факторами:

- увеличением числа подрастающего поколения, страдающего алкогольной зависимостью;
- ростом страдающих подростками венерическими заболеваниями, полученными вследствие регулярного употребления алкоголя и других психотропных веществ;
- сохраняющимся ростом безнадзорных и беспризорных детей и подростков, что сопровождается хронической алкогольной зависимостью.

Детский алкоголизм (подростковый алкоголизм) – опасная психологическая и физиологическая зависимость, которая способна разрушить здоровье растущего организма и привести к полной деградации [1].

Детский алкоголизм как многогранная и многоаспектная проблема затрагивалась в работах авторов различных, таких как Г.М. Абрамович [3], Н.И. Веснина [4], Л. Печников [5], Г.И. Григорьев [7] и др.

Для наиболее полного изучения проблемы решим следующие задачи: выявим мотивы, причины и последствия алкоголизации несовершеннолетних, проанализируем деятельность социального педагога по профилактике алкоголизма подростков.

В XXI веке основными причинами ранней алкоголизации подростков выступают следующие факторы – алкогольное окружение, в которое входят, прежде всего, пьющие ближайшие родственники. В развитии пьянства у детей огромную роль играют примеры родителей, частое употребление алкоголя в семье. На развитие ребенка также влияет нравственно-эмоциональная сторона семейных отношений, характер которых выступает фактором уровня благополучия в семье. И в зависимости от сложившихся

отношений с родителями может появиться желание почувствовать себя взрослым, самоутвердиться, казаться мужественнее, что наталкивает подростка к употреблению алкоголя [1], [2].

Резкое снижение числа внешкольных детских и юношеских учреждений, падение престижа деятельности общественных организаций, завышенной платой за всевозможные дополнительные образовательные услуги (обучение музыке, танцам и т.д.) привело к избытку свободного времени у подростков, что также наталкивает их на употребление алкоголя в кругу друзей и знакомых.

В сложившейся обстановке многочисленных причин, подталкивающих подростка, ребенка к употреблению алкоголя, необходимо принимать конкретные меры по предотвращению данной проблемы. В разрешении сложившейся ситуации и профилактики алкоголизма среди несовершеннолетних актуальными становится работа социального педагога в среде обитания ребенка.

В работе социального педагога по профилактике алкоголизма среди детей и подростков выделяют следующие виды деятельности:

- повышение уровня социальной адаптации ребенка, склонного к употреблению спиртных напитков, посредством его личностного развития;
- профилактика алкоголизма, обучение детей с целью формирования у них отрицательного отношения к употреблению алкоголя;
- просвещение родителей с целью оздоровления семьи, её быта и культуры взаимоотношений между её членами;
- посредническая деятельность между ребенком и окружающим его социумом по преодолению явлений дезадаптации [1], [2].

Социально-педагогическая деятельность - это деятельность, направленная на конкретного ребенка, способствующая решению его индивидуальных проблем посредством изучения личности ребенка и окружающего его социума; поиска адекватных способов общения с ребенком; выявления средств, помогающих ребенку самостоятельно решить свою проблему [8].

Особенность профилактики алкоголизма, проводимой в рамках социально-педагогической деятельности, заключается в том, что строится она на антиалкогольном воспитании, которое включает в себя два направления:

- первое совпадает с общими задачами воспитания, так как именно издержки воспитания, приводящие к нарушениям в развитии личности, предрасполагают к пьянству и алкоголизму.
- второе направление антиалкогольного воспитания - это система воздействий на подростка, ведущая к выработке у него критического отношения к алкоголю.

Кроме того, для успешной антиалкогольной профилактической работы социальный педагог должен строить свою деятельность по четырем направлениям:

1. Организация педагогической помощи, которая включает в себя создание благоприятных условий для развития личности несовершеннолетнего, организацию помощи подросткам в выполнении общественных поручений, создание личности обстановки успеха, одобрения, поддержки, доброжелательности, поощрение положительных изменений.

2. Организация медицинской помощи, в которую входит проведение систематического диспансерного осмотра врачами школьников девиантного поведения; оказание помощи медикаментозной, физиотерапевтической, суггестивной. Также она предусматривает предупреждение привычек к курению, влечению к алкоголю и токсическим средствам; показ отрицательных последствий, внушение и самовнушение; половое просвещение подростков).

3. Организация психологической помощи.

4. Организация свободного времени школьников аддиктивного поведения.

Подростковый алкоголизм является в современном обществе одной из серьезнейших социально-педагогических проблем. Проблема подростковой алкоголизации многоаспектная, ею занимаются представители различных областей знаний: психологи, наркологи, социологи, педагоги. Однако аспекты педагогической и социально-педагогической профилактики алкоголизма среди подростков еще требуют более глубокого внимания и изучения, так как именно из общества и из семьи, семейного воспитания вытекают основные причины сложившейся ситуации [1], [2].

Таким образом, можно сделать вывод, детский алкоголизм – многоаспектная проблема в современном обществе. Она имеет многочисленные причины, основные из которых кроются в семье, воспитывающей ребенка. Проблема подростковой алкоголизации требует тщательного изучения и принятия мер в борьбе с ростом алкоголизма среди молодого поколения и развития профилактической деятельности.

Список использованных источников

1. Детский алкоголизм [Электронный ресурс]: Справочник безопасности детей. – URL: <http://bezopasnost-detej.ru/spravochnik-zashchita-detej/20-d/30-detskij-alkogolizm>, свободный
2. Проблема детского алкоголизма [Электронный ресурс] – URL. - <http://bezopasnost-detej.ru/problemy-podrostkov/109-problema-detskogo-alkogolizma>, свободный
3. Абрамович, Г. М. Алкоголизм - духовная смерть / Г. М. Абрамович // ОБЖ: научно-методический и информационный журнал. – 2013. - № 1. - С.44-51
4. Веснина, Н. И. Классный час " Преступление против всех" / Н. И. Веснина // Классный руководитель: научно-методический журнал. – 2012. - № 5. - С.109-117
5. Печникова, Л. Психологические и социальные проблемы детей в России / Л. Печникова // Народное образование: общественно-педагогический журнал. – 2009. - № 9. - С.34-38
6. Кошурина, Н. Трезво жить - век не тужить / Н. Кошурина // Воспитание школьников. – 2009. - № 5. - С.72-77
7. Григорьев, Г. И. Десятилетняя ремиссия больных алкоголизмом с различным сроком зарока / Г. И. Григорьев, С. Г. Григорьев, Р. Мизерене // Вестник психотерапии. – 2006. - № 17. - С.101-110
8. Словарь терминов по общей и социальной педагогике. – URL: http://social_pedagogy.academic.ru/622/Социально-педагогическая_деятельность, свободный

Рассадина Т. А.

доктор социологических наук, профессор кафедры гуманитарных и социальных дисциплин Ульяновского высшего авиационного училища гражданской авиации (института)

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОМ СТАТУСЕ ГУМАНИТАРНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В начале 2000-х в научной среде появились многочисленные диагнозы о преодолении необходимого порога социальной адаптации различными социальными группами и россиянами в целом. Для гуманитарной интеллигенции появились условия потенциального превращения из вспомогательной социальной прослойки в значимую силу общественного развития. Гуманитарная интеллигенция — социально-профессиональная группа, занятая в духовной, социально-культурной сфере, выполняющая образовательную, просветительскую и воспитательную функции, основной деятельностью которой является создание, хранение, передача,

трансформация духовной культуры. Последняя «пропитывает» всю ткань социальной жизни. Именно деятельность гуманитариев направлена на формирование культурной и социальной целостности общества. Сегодня гуманитарная интеллигенция — важная социальная сила, которая способна отвечать на вызовы настоящего и будущего, обеспечивает движение страны к информационному обществу, обществу знаний, однако в социальной структуре занимает периферийное место, обладает низким социальным статусом. И обыденные, и научные наблюдения за жизнью и деятельностью этой группы указывают прежде всего на резкое ухудшение социального положения основной массы гуманитариев за годы реформ в России. Финансирование группы недостаточное. Следует только напомнить о постыдных окладах в 5—6 тыс. рублей, в том числе для специалистов с учеными степенями и званиями. Доплаты за ученую степень, звание, должность не позволяют зарплате «дотянуть» до средней по стране. Решаются эти проблемы прежде всего за счет дополнительной занятости, совместительства, т. е. за счет дополнительного времени, сил, здоровья, что влияет и на качество работы. Очевидно, не учитывается сложность интеллектуального труда. А труд этот требует высокого уровня образования, серьезных затрат умственной и нервной энергии, постоянного самообразования и зачастую «ненормированного» рабочего дня. Унизительна ситуация невозможности для подавляющего большинства гуманитариев занять собственное жилье. Высокий образовательный статус слабо помогает созданию материального благополучия. Очевидно рассогласование статусов. Ни один анализ объективных данных (по индикаторам благосостояния, социального статуса, престижа профессий и т. д.), впрочем, как и субъективных (социальное настроение, ожидания от будущего и т. п.), не дает повода для оптимизма. Оптимизация в вузах коснулась прежде всего преподавателей-гуманитариев. В итоге падают как престижность гуманитарных профессий, так и уровень подготовки гуманитариев. Происходит депрофессионализация и «утечка мозгов» из гуманитарной сферы общества. Безусловно, делать акценты в основном на социально-экономическом статусе данной группы неверно. Разрушение гуманитарной культуры наряду с другими причинами вызвало потерю нравственности у многих граждан, их интереса к литературе, истории, науке, высокому искусству, функциональную неграмотность. Трансформируется социальная идентичность гуманитарной интеллигенции. Растет отказ от признания не только своей принадлежности к ней, но и самого ее существования. К примеру, появилась точка зрения — интеллигенции нет, но есть интеллигентные люди. Или, точнее, остались. Все это ведет к неэффективной растрате жизненных сил интеллигенции, неудовлетворительному ее самочувствию, к невыполнению своей общественной роли и исторического предназначения.

Определенная часть интеллигенции обладает высоким авторитетом в глазах общества и имеет (хотя и ограниченный) доступ к СМИ как трибуну для своего рода культурной проповеди. Есть свои лидеры мнений в регионах. Часть интеллигенции, прежде всего деятелей искусства, имеют достаточные материальные и финансовые возможности для экстернализации авторского взгляда на мир и понимание жизни (имеется в виду производство кинофильмов, театральных спектаклей, художественных произведений). Есть интеллигенция, непосредственно участвующая в реализации властных полномочий, которая входит в состав правящих и неуправляющих элит, оказывающих непосредственное воздействие на принятие управленческих решений. Немало работников умственного труда находятся в тесных деловых связях с властью, производством, финансовыми и другими кругами, обладающими богатством — престижем — властью (по критериям Вебера). Профессиональный труд таких работников востребован миром бизнеса; они вполне успешны и по меркам «деловых людей», и по самоидентификации. Большая часть интеллигенции замыкается в узких сообществах или пребывает в фактическом одиночестве, не имеет достаточно

разнообразных внешних контактов. Огромное число представителей гуманитарной интеллигенции просто честно и много работает на местах, зачастую скромно, не выпячивая себя, не выходя за пределы локальной публичности, и даже с самопожертвованием.

Интеллигенция не является неизменной. Функциональное назначение интеллигенции изменяется как в российском, так и в глобальном мировом контексте, что отмечено многими зарубежными и отечественными исследователями (Ю. Хабермас, Х. Аренд, Д. Карр, Д. Брунер, В. Левичева, В. Луков, Е. Трубина, М. Елютина и др.). На постсовременные процессы в нашем обществе наложилась ускоренная смена культурных кодов. Региональная стратификация в России вносит дополнительные факторы в изменение условий и моделей адаптации этой группы. Очевидно, что современная гуманитарная интеллигенция еще во многом сохраняет свои позиции в российском обществе, меняя отдельные характеристики. Несмотря на то, что интеллигенция ведет весьма интенсивную и напряженную интеллектуальную жизнь, тем не менее окружена ореолом некоторого равнодушия в вопросах, волнующих социум, как- то: кризис внутреннего мира современного человека, формирование новых культурных жизненных ценностей и установок. Нередко говорится о неясной мировоззренческой позиции самой гуманитарной интеллигенции. Во всяком случае, эти позиции слабо манифестируются. Она перестает быть творцом идей, идейным лидером. Социальный и культурный плюрализм делает акцент на неимперских функциях интеллигенции, что, полагаем, вообще для подлинной интеллигенции не является принципиально новым. Претендовать на истину в последней инстанции невозможно, как невозможно и неправильно говорить за других. Гуманитарная интеллигенция еще пытается совершить эвристические, даже экзистенциальные рывки, чтобы спасти хотя бы моральные понятия, носителем которых была всегда. Есть потребность сохранения «самости», непревращения себя во флюгера, необоснованно прогибающегося под мир. Все это ради сохранения собственной внутренней значимости. Однако отсутствие единства в сообществе мешает прорывным действиям. В итоге — безликий имидж гуманитарной интеллигенции. Молодежь (да и не только) зачастую не может сформулировать, кто такой интеллигент, современный интеллигент, представить его портрет. Молодые, энергичные лица, увлеченные гуманитарной наукой и духовными ценностями, практически отсутствуют. Или их очень мало. Другой не менее значимой проблемой этого безличия является кризис, собственно, гуманитарного образования. С одной стороны, он выражается в непопулярности и неясном понимании необходимости гуманитарного знания. Интеллигенция не упрощает, а создает когнитивно сложное знание. Во многом знании — много печали. Гуманитарная интеллигенция — это рефлексивные личности. Но этос гуманитария не ориентирует на прагматизм, слабо способствует материальному достатку. Все это очень интересно, но слабо помогает жить в современном мире. Отказ от такого знания происходит лавинообразно, тем более на фоне технократичной и прагматичной ценностной парадигмы, а также государственного запроса. Прослеживается зависимость между повышением уровня образования и усилением социальной тревожности. Система доминирующих ценностей в группе не помогает большинству быть успешными. Ценности интеллигенции не релевантны по отношению к ценностям общества, происходит их реификация. Эти внутригрупповые процессы будут влиять на структурно-функциональную трансформацию группы, а в перспективе — и на глубокие ценностно-нормативные перемены. Ценности привносятся в общество в большей мере посредством других систем, а не системы образования. Оказавшись на периферии общества, гуманитарная интеллигенция во многом утратила позиции тех, кого слушают, к кому прислушиваются.

Интеллигенция не только разнородна, но и разобщена. Значительная часть интеллигенции существует сама по себе, слабо структурирована в социальном отношении. Ее жизненное пространство сужается до уровня первичных групп, ценностных и субкультурных общностей. Ей даже присущ отпечаток маргинальности. Кто-то просто спускается на социальное дно. Трудно формируются общегражданские и общекультурные солидарности. У интеллигенции есть свое мнение, ей есть что сказать. Она была бы полезна в формировании гражданского общества, отчего и сама, наверное, выиграла бы. Однако закрытость, даже замкнутость на себе, приводит к постсовременным эффектам, когда неприсутствие в широких открытых коммуникативных сетях равносильно отсутствию субъекта. В условиях социальной аномии есть общественные ожидания четкого определения критериев морали и нравственности. Власть молчит. Задавать нравственные настроения должна гуманитарная интеллигенция. Но могут ли это делать маргиналы? Многие высказывания на конференциях и в публикациях свидетельствуют о разочарованиях части интеллигенции, утрате чувства сопричастности с судьбами страны, иногда — глубокой обиде на власть. В то же время велико стремление (особенно представителей старших поколений) несмотря ни на что продолжать выполнять высокую культурную миссию, которая и отделяет человека с высшим образованием от интеллигента. Верить, ни на что не надеясь. Сложно согласиться с маргинальным положением гуманитариев и гуманитарного знания именно в России, где им принадлежит особо важная историческая роль в Образовании в смысле (Образ- ваянии) личности, в формировании неплоских знаний, социальной зрелости и ответственности, ярких индивидуальностей.

Шахова Е.В.

*ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет»
Факультет социологии, магистрант 2 курса*

АВТОРСКИЕ КОЛОНКИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)⁴

Вопросы межэтнического взаимодействия в современном обществе являются очень важными и актуальными. Наряду с процессами глобализации, которая способствует социальной интеграции и взаимопроникновению различных культур, наблюдаются и увеличение межэтнических конфликтов.

Различные аспекты данной темы с давних времен обсуждаются научным сообществом. Все более актуальным становятся исследования средств массовой коммуникации в формировании общественного мнения, посвященного вопросам межэтнических отношений. Сегодня обсуждение этой темы является предметом широкого обсуждения. Многочисленные исследования показывают, что через СМИ большим потоком в массовое сознание передается, так называемая этническая информация. Позитивная (толерантная) этническая информация о своем народе (этнотипе) способствует формированию своего этнического самосознания, уважительному отношению к собственной этнической общности, национальному достоинству, а также формированию позитивных представлений людей в области

---

⁴ Опубликовано при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках конкурсной части государственного задания в сфере научной деятельности ФГБОУ ВПО "Алтайский государственный университет" Код проекта: 1475 " «Гражданская и этническая идентичности в системе сохранения социальной безопасности населения приграничных территорий Российской Федерации»

межнациональных отношений. Но чаще встречается информация, представленная реципиенту, распространяющая населению установки нетерпимости (интолерантности) [1, 113].

Конфликтотенный потенциал масс-медиа в сфере этнических отношений изучен явно недостаточно, и требуется более глубокое исследование вопроса влияния современных СМИ на формирование в массовом сознании образа иноэтнического представителя, а также поиск возможных путей снижения негативного потенциала информационной среды [2, 170].

Деятельность политики Российской Федерации направлена на улучшение межэтнических отношений. Об этом свидетельствует Федеральная Целевая Программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России», принятая 20 августа 2013 года. Целями данной программы являются укрепление единства многонационального народа Российской Федерации (русской нации); содействие укреплению гражданского единства и гармонизации межнациональных отношений; содействие этнокультурному многообразию народов России. Также в 2013 году в Госдуме прошла презентация этического кодекса для журналистов, специализирующихся на освещении межэтнических отношений в России, в которой говорится, что основной целью работы пишущих о межэтнических вопросах представителей СМИ должно быть стремление «снизить градус напряженности в обществе» и «настроить аудиторию на создание стабильного многонационального общества».

Таким образом, освещение межэтнических и межконфессиональных отношений все более осознается и обществом, и журналистским сообществом как серьезная этическая проблема, требующая особой профессиональной рефлексии.

В связи с этим нами проводится исследование, посвященное изучению деятельности медиапространства Алтайского края, направленной на развитие межэтнического взаимодействия.

Нами было проанализировано 15 интернет-ресурсов. При отборе источников информации для анализа выбирались наиболее влиятельные региональные интернет-ресурсы. Условием выбора ресурса являлся высокий индекс цитирования. Для отбора наиболее влиятельных интернет-ресурсов региона были использованы информационно-аналитическая система «Медialogия» (<http://www.mlg.ru/>) и форма Яндекс-каталог (<https://yaca.yandex.ru/>).

Нами был проведен контент-анализ авторских колонок и блогов, представленных на этих сайтах, с целью выявить в них интенсивность и периодичность сообщений, связанных с социальной интеграцией и развитием межэтнического взаимодействия.

Для выделения показателей, необходимых для проведения контент-анализа, были проинтерпретированы основные понятия (Этническая общность, национально-культурное объединение, социальные интеграция и дезинтеграция, национальная политика).

Данные понятия можно охарактеризовать через следующие индикаторы:

Этническая общность: Этнос, Нация, Национальность, Народ;

Этнические объединения: Диаспора, Национально-культурная/этнокультурная организация;

Социальная интеграция: Межэтническое сотрудничество, межэтническое взаимодействие, Диалог, Дружба, Мир/Согласие, Толерантность/терпимость, Единство;

Социальная дезинтеграция: Конфликт, Напряженность, Враждебность (вражда), Неприязнь, Ксенофобия, Экстремизм, Национализм;

Национальная политика: Государственная поддержка/содействие, Грант/субсидия, Государственная программа.

В зависимости от упоминания или не упоминания данных индикаторов в изучаемом источнике происходило кодирование.

В результате были получены следующие результаты

В результате контент-анализа блогов было выявлено, что материалы на тему «Социальная интеграция и развитие межэтнического взаимодействия в Алтайском крае и на федеральном уровне» наиболее часто появлялись в 2013 и 2014 годах. Новости, на эту тему разделились на две группы практически пополам:

- новости, связанные с межэтническим взаимодействием, национальной сферой;
- новости, связанные с проявлением патриотизма в контексте социальной интеграции.

Наиболее популярные материалы можно разделить на несколько тематических блоков:

- патриотизм (работы посвящены Великой Отечественной войне, Дню Великой Победы, Дню России и другим мероприятиям, воспитывающим патриотизм в жителях региона);
- этническая общность (материалы описывают праздники, имеющие национальный характер, жизнь и характер людей разных национальностей, их культуру общения и взаимодействия с другими);
- дезинтеграция (характеристика событий и процессов, связанных с конфликтами, неприязнью в сфере межэтнического взаимодействия, призывы к борьбе с ними).

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о том, что деятельность региональных интернет-ресурсов играет значимую роль в социальной интеграции и развитии межэтнического взаимодействия региона, направлена на предотвращение разного рода межнациональных конфликтов, на стремление добиться согласия и мира между всеми нациями, проживающими в регионе. Однако, неприязнь к представителям других народов, непонимание культуры других, стереотипное мышление все еще характерно для жителей региона. Это является барьером во взаимопонимании и комфортной жизни жителей всех национальностей Алтайского края.

Литература

1. Кольцова Е.Ю. Измерение толерантности / Е.Ю. Кольцова, Е.Е. Таратута // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2003. – № 4.
2. Лисова С.Ю. Политико-правовой инструментарий регулирования в СМИ информации о межэтнических отношениях // Вестник Московского государственного областного университета. Серия История и политические науки. – 2009. – №4.

Явнова Н.А.

студентка,

Горно-Алтайский государственный университет

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ И ДЕТЕЙ-СИРОТ В XIX В. – НАЧАЛЕ XX В.

Государственная политика в области защиты детства XIX в. во многом была связана с историческим развитием России – отменой крепостного права в 1861 г., переходом от феодализма к капитализму, который сопровождался ростом промышленности в стране.

Широкую благотворительную деятельность осуществляла жена Павла I – императрица Мария Федоровна, которая занималась призрением детей-сирот, вдов, детей-инвалидов. В докладе императору она обращала внимание на состояние в России воспитательных домов и предлагала расширять тактику передачи младенцев из воспитательных домов в крестьянские семьи в «государевы деревни». За их воспитанием и содержанием был установлен надзор, которых отбирала сама императрица.

В 1819 г. была открыта первая в России земледельческая колония для малолетних бродяг в Гомельском имении графа Я. Румянцева[3].

Основными формами защиты несовершеннолетних выступали сиротские и воспитательные дома, в которые принимались незаконнорожденные, а также малолетние арестанты и малолетние бродяги.

В 1834 г. были открыты сиротские институты для детей – Московский Александровский сиротский институт для детей обоего пола и Гатчинский сиротский институт для «обер-офицерских сирот» (мальчиков). Все эти учреждения находились под покровительством Марии Федоровны.

Учреждения ранее бывшие в ведении императрицы Марии Федоровны, до 1881 г. принял под свое покровительство император Николай I. Проект закона 1838 г. предусматривал открытие особых попечительских комитетов, которые ведали распределением детей-сирот. Мальчиков до 8 лет и девочек до 14 лет следовало определять по селениям и городам с платой за кормление и последующим усыновлением приемными родителями; мальчиков от 8 до 17 лет – устраивать в военные поселения, девочек с 14 лет – выдавать замуж и определять работницами на заводы, фабрики, промыслы.

В начале XIX в. стали создаваться частные приюты, попечительские советы, благотворительные общества. В России была целая сеть приютов которые содержались за счет частных лиц и общественных организаций, они носили дифференцированный характер: сиротские, городские, сельские, специальные, приходские.

В 1837 г. в Санкт-Петербурге А.Н. Демидовым «устроено первое в России убежище для детей, оставляемых матерями, идущими на заработки», в котором находились дети когда их матери уходили на работу. Еще одним известным приютом был приют принца П.Г. Ольденбургского, который был открыт в Санкт-Петербурге в 1846 г.

В Петрозаводске в 1847 г. был открыт приют для девочек рассчитанный на 100 человек. Девочки в нем воспитывались до 12 лет, в исключительных случаях до – 16 лет. В основе обучения было положено привитие начальных навыков самообслуживания, работы в саду и огороде.

На пожертвования Бархрушиных был устроен приют в Сокольниках.

Для детей бедных вдов Бахрушины открыли начальную школу и отдельно ремесленную школу.

В XIX в. В.Ф. Одоевским разработано «Положение о детском приюте», в котором обосновывалась важность воспитания ребенка, приучение к труду и ремеслу[2]. Это положение служило организационной основой деятельности всех приютов в России в XIX в.

Многое для детей-сирот и детей из бедных семей во второй половине XIX в. было сделано приходскими благотворительными организациями. Важной формой призрения детей, характерной для частно-церковной благотворительности, по-прежнему оставались приюты (дневные и постоянные), которые открывались при каждой церкви (в городах и селах). В приходских приютах дети получали питание, уход и обучение в школе. В дневных приютах преобладали дети из беднейших семей. К концу XIX в. приюты стали смешанными, где находились приходские и постоянно живущие дети.

Служители православной церкви были активными частными субъектами помощи детям-сиротам, больным, детям их беднейших семей. Активную деятельность в области помощи нуждающимся детям проводили православный монастырь Козельская Оптина Пустынь и его настоятель Исаакий. В деятельность монастыря входило помещение малолетних преступников на перевоспитание, обустройство детского приюта для сирот на средства монастыря, где детям предоставлялись проживание, лечение, обеспечение продуктами с монастырского хозяйства, дровами. Настоятель храма не только пристраивал ребенка-сироту, но и вел поиск родителей.

Важная роль в организации социальной помощи детям XIX – начале XX в. принадлежит не только духовенству, но и представителям интеллигенции. Например, известна благотворительная деятельность Московского купеческого общества в организации и обустройстве домов призрения, богаделен, в выплате пособий сиротам.

Заметным шагом в истории социальной защиты детей стало появление общественных организаций, таких как: Филантропическое общество (1802) под патронатом Александра I и нескольких частных лиц и переименованное в 1816 г. в «Императорское человеколюбивое общество»; в 1833 г. было создано Общество попечения о неимущих нуждающихся в защите детей; Московский Совет детских приютов (1842); в 1872 в Москве общество охраны детей, просящих милостыню; в 1889 г. общество защиты детей.

Социальная помощь детям в начале XX в. постепенно приобретает научно-организованный характер. В 1910 и 1914 гг. в России состоялись I и II съезды деятелей социальной сферы. Одним из важнейших направлений деятельности ученых и практиков в это время было оказание помощи в системы воспитательных учреждений куда попадали нищие, беспризорные дети, а так же дети-сироты.

Активным субъектом социальной защиты детей конца XX в. выступали земства. Их благотворительная функция заключалась в создании воспитательных домов для подкидышей и воскресных школ для юношей и девушек. В некоторых губерниях земства из своих средств поощряли усыновление детей. Воспитатель-усыновитель получал 5 рублей в месяц до достижения воспитанником 12 лет. На имя последнего в сберегательную кассу вносилось по 2 рубля в месяц.

Подведем итоги:

- социальная защита детства в XIX – начале XX в. приобретает все более организованный, массовый и сословный характер;
- основными субъектами социальной защиты детей выступают государство, земства, представители духовенства, имущих классов, интеллигенции;
- создается административная система поддержки, включающая территориальные институты помощи, превентивные и защитные акции в отношении детей, законодательное регламентирование;
- зарождается и развивается сеть благотворительных заведений, общественных организаций защиты детей;
- совершенствуются механизмы помощи детям, в частности получает развитие адресная помощь, а также зарождается система социального обеспечения (вводятся пособия на детей погибших фронтовиков, детей-сирот)
- происходит теоретическое обоснование идей и практического опыта социальной помощи детям.

Литература

1. Овчинников, В.А. История социальной работы в России (с древнейших времен до начала XX в.) : учебное пособие / В.А. Овчинников. - Кемерово : Кемеровский государственный университет, 2010. - 131 с.
2. Одоевский В.Ф. Избранные педагогические сочинения. – М., 1955.

3. Устройство общественного призрания в России // Антология социальной работы: в 5 т. – Т. 3 / сост. М.В. Фирсов. – М., 1995.

4. Социальная работа : учебное пособие / Н.Ф. Басов, В.М. Басова, С.В. Бойцова и др. ; под ред. Н.Ф. Басов. - 3-е изд., перераб. и доп. - М. : Дашков и Ко, 2015. - 352 с.

5. Холостова, Е.И. Социальная работа. Учебник для бакалавров / Е.И. Холостова. - М. : Дашков и Ко, 2012. - 282 с.

ФИЛОЛОГИЯ

Anokhina M. A.

*Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages
Altai State Pedagogical University*

THE VERBS OF MANNER IN ENGLISH: ONE OF THE MODES OF TRANSLATION

The ability of manner verbs to incorporate manner to their core meaning is high in English. According to Talmy [4], languages can be classified into two types, satellite-framed languages (S-languages) and verb-framed languages (V-languages). English and Russian are Satellite-framed. Manner is encoded as a main verb; path must be a satellite.

Adverbial expression of Manner is an important domain for speakers of English. The language has developed a large lexicon with many distinctions of manner. S-languages allow for an economical expression of manner of action in the main verb of a clause. For example, verbs describing specific types of walking in English: wander – brodit’; stroll – prokhazhivat’sia; march – marshirovat’; hobble – kovyljat’; mince (along) – semenit’; walk – progulivat’sya; race – gnat’sia; rush – mchat’sia, etc.

S-language users seem to perceive manner and directed motion as a single conceptual event, making it difficult to have a mental image of one without the other.

Besides Manner, there are many components that are encoded in a verb. These are Goal (forge, slump), Instrument (brush, hammer), Body Part (shrug), Container (bag, pocket), Attitude (amble, saunter, stroll), Sound source (roll, crunch, squeak), etc.

(1) For example, *the verb to sneak means to go somewhere secretly and quietly in order to avoid being seen or heard*) [3]. The verb ‘sneak’ encodes Place, Manner, and Goal.

Translators face with the delicate task of finding suitable means of adverbial expression. It is necessary to go from the mental image produced by reading the source language to an appropriate rendering of that mental image in the target language. Translators have to accommodate the characteristics of the source language to the demands of the target language while keeping as accurate as possible the content of the original text.

Translations can be considered more or less faithful to the original, in most cases the translator only translates half of the information or chooses to incorporate a totally different type of manner information. He/she has to decide whether to simply omit a detail of manner or to preserve it in an adverbial clause, thereby giving it more or less narrative weight than in the original.

Let’s have a look at the examples when the translators find direct counterparts in Russian. Some consider only this mode of translation to be accurate as the sense of the situation and/or the style of the author of the original passage is perfectly kept.

(2) English: *A small breakfast-room adjoined the drawing-room, I slipped in there* [1].

Russian: *К гостиной примыкала малая столовая для завтраков, и я ускользнула туда* [2]. (*К gostinoj primykala malaya stolovaya dlya zavtrakov, i ya uskol’znula tuda*)

In this case the translation fully conveys the action in the original.

Within this mode there can be the translation with adverbial verb of the same lexico-semantic group, but not equivalent semantics.

(3) English: *'Boh! Madam Mope!' cried the voice of John Reed; then he paused: he found the room apparently empty.* [1]

Russian: – *Ба! Госпожа Нюня! – раздался голос Джона Рида и тотчас умолк, так как комната оказалась пустой.* [2] (- *Ба! Gospozha Nyunya! - razdalsya golos Dzhona Rida I totchas umolk, tak kak komnata okazalas' pustoy*')

Sometimes a translator makes changes in the translation, adding emotional content of the original to get any result.

(4) English: *I don't very well know what I did with my hands, but he called me 'Rat! rat!' and belled out aloud.* [1].

Russian: *Не знаю, что делали мои руки, только он охнул: «Крыса! Крыса!» и завопил во всю мочь.* [2]. (*Ne znayu, chto delali moi ruki, tol'ko on ohnul: «Krysa! Krysa!» I zavopil vo vsyu moch'*')

Literal translation of S-language text into S-language text is supposed to be equal in the amount of information load conveyed. But it happens that texts in target language become dry and non-dynamic, or quite opposite - overly dramatic. It might happen when unexpected attention to Manner is paid. In case of good translation a target text keeps all the semantic distinctions of the source text.

Bibliography

1. *Brontë, C. Jane Eyre [Text] / C. Brontë.* – London: Penguin Books, 2006. – 578 p.
2. *Бронте, Ш. Джейн Эйр [Текст] / Ш. Бронте; пер. с англ. И.Г. Гуровой.* – М.: АСТ: Астрель, 2010. – 444 с. (*Bronte, Sh. Dzhein Eir [Tekst] / Sh. Bronte; per. s angl. I.G. Gurovoy.* – М.: АСТ: Астрел', 2010. – 444 s.)
3. *LDCE – Longman Dictionary of Contemporary English. The Complete Guide to Written and Spoken English [Text] / Gadsby A. (ed. dir.).* – 3d ed. – London: Longman Group Ltd, 1995. – 1668 p.
4. *Talmy, L. Lexicalization patterns: Semantic structure in lexical forms [Text] / In T. Shopen (Ed.), Language typology and lexical description: Vol. 3. Grammatical categories and the lexicon.* – Cambridge: Cambridge University Press, 1985. – Pp. 36-149.

Баранникова Т.Б.

д. ф. н., Дагестанский госпедуниверситет, профессор

К ВОПРОСУ ОБ «АБСОЛЮТНЫХ» СИНОНИМАХ

Вопрос о выделении «абсолютных» (в других терминах – «стопроцентных», «полных», «точных» и т.п.) синонимов, издавна привлекающий внимание исследователей, решается неоднозначно. В теории синонимии сложились две противоположные точки зрения относительно их статуса: 1) отрицающая их существование (Клюева 1954; Шапиро 1955; Найда 1962: 50; Будагов 1965, Горнунг 1965; Бережан 1967; Чикобава 1967; Ullmann 1957; Блумфилд 1968: 148; Lutzeier 1985: 70 и другие), 2) признающая их одним из типов синонимов (Будагов 1965; Лагутина 1967; *Англо-русский словарь синонимов* 1979, Лайонз 1978; Кузнецова 1989 и другие).

В частности, В.Н. Клюева, придерживающаяся первой точки зрения, обосновывает это тем, что двойные обозначения одного и того же предмета в языке не нужны. Она считает, что «синоним должен быть не безразличной подменой другого, близкого по значению слова, а уточнением выражаемой мысли» [4, с.1]. Редким явлением, роскошью, которую язык не может себе позволить, называет абсолютную синонимию С. Ульман [13, с.180].

В работах, выделяющих этот тип синонимов, приводятся свои убедительные доводы. Так, А.В. Лагутина называет три аспекта равнозначности абсолютных синонимов: 1) семантическая идентичность; 2) отсутствие стилистических различий:

абсолютные синонимы обязательно относятся строго к одному стилю речи; 3) существование лишь в синхронных языковых пластах [6, с.121-122]. Исследователем подчеркивается, что лексический пласт абсолютных синонимов не остается неподвижным и неизменным, и в существовании «абсолютной» синонимии усматривается определенная закономерность, связь с «теми непрерывными процессами, которые происходят как внутри одного языка, так и при соприкосновении различных языков» [6,с.122]. По-видимому, в соответствии с вышеуказанным обстоятельством, в вопросе об абсолютных синонимах обозначился и третий, «компромиссный» подход, согласно которому признается, что абсолютные синонимы в языке все же существуют, но как явление временное, претерпевающее в процессе развития языка определенные семантико-стилистические изменения.

В современной лингвистике абсолютные синонимы по-прежнему вызывают интерес исследователей. В частности, в диссертационной работе О.И. Недоступа [2011] уточняются границы и количественный состав центральной части корпуса равнозначных существительных – абсолютных синонимов, предложено понятие актуального/неактуального тождества, позволяющее наблюдать динамику становления и использования семантически тождественных существительных, в том числе абсолютных синонимов. Обсуждается вопрос о рассматриваемом типе синонимов и в других исследованиях по синонимии последнего десятилетия. Следует, тем не менее, отметить, что место абсолютных синонимов в системе синонимических типов продолжает оставаться достаточно неопределенным. Одна из причин этой ситуации может усматриваться в том, что сама проблема классификации синонимов продолжает составлять одну из «горячих точек» теории синонимии. В задачи настоящей статьи входят анализ ряда классификаций синонимов, содержащих абсолютные синонимы, и попытка уточнения места исследуемых синонимов в системе синонимических типов. Рассмотрение классификаций синонимов, включающих абсолютные синонимы, было проведено нами с учетом логических требований деления понятия: а) применения одного и того же основания, б) соразмерности, в) взаимного исключения членов деления, г) непрерывности [5 и другие]. Ср. с мнением В.Н. Мигирина, что «разработка псевдопроблемы синонимии зашла в тупик из-за глубокого нарушения элементарных требований логики» [9,с. 11].

Анализ одной из наиболее ранних классификаций, эксплицитно выделяющей абсолютные и относительные синонимы [8, с. 22], позволяет отметить, что данное одномерное деление, учитывающее требование применения одного и того же основания и взаимного исключения членов деления, не отвечает требованиям соразмерности и непрерывности. Помимо этого, выдвигаемое основание классификации не является типологически существенным, отличающим рассматриваемое явление от сходных с ним. Соответствующая критика может быть высказана и по поводу такого набора типов синонимов, как абсолютные и семантические [см.:3,с.64].

Деление синонимов К.П. Смолиной [11] на единицы с 1) полным семантическим наложением, 2) неполным, 3) градационными отличиями, как видим, строится одновременно на различных основаниях. Подобное наблюдается и в таком наборе типов синонимов, как абсолютные, семантические и стилистические, являющемся, согласно подсчетам М.И.Задорожного [3,с.64-65], наиболее выделяемой группировкой в 52 обследованных им источниках.

Нами рассмотрена и классификация, включающая абсолютные, семантические, стилистические, семантико-стилинические типы синонимов. На основе применения метода моделирования и проведения комбинаторного исчисления типов синонимов эта классификация была признана М.И. Задорожным наиболее корректной. При всей привлекательности и стройности настоящее деление, тем не менее, вызывает сомнения

опять-таки с точки зрения требований логики. Во-первых, оно не отвечает требованию непрерывности, составлено на основании двух параметров одновременно (семантические и стилистические различия), что в принципе могло бы быть возможным, если бы они характеризовали исследуемое явление только в комбинации; во-вторых, члены классификации исключают друг друга лишь попарно, в изолированном же виде семантические и стилистические синонимы не противоречат друг другу; в-третьих, объем класса синонимов, включающий четыре данные разновидности, является более соразмерным, чем в некоторых других вышеупомянутых работах, однако его следует признать недостаточно полным, исключая из состава синонимов, к примеру, выделяемые рядом исследователей синонимы с реляционными различиями: консоциативные (дистрибутивные) синонимы типа *черный – вороной*, частотные синонимы, различающиеся активностью своего употребления [12; 2], и другие.

С нашей точки зрения, классификация синонимов должна быть составлена на основе такого наиболее существенного признака, отличающего настоящее явление от родственных, как внеязыковая / внутриязыковая обусловленность межэлементных отношений [7; 1, с.25-26]. В соответствии с ним синонимы делятся на внешнеязыковые (или экстралингвистические) и внутриязыковые (или лингвистические) синонимы; внутриязыковые синонимы в зависимости от среды формирования подразделяются на стилистические и нестилистические. В составе стилистически нейтральных лингвистических синонимов на основе системно-субститутивного фактора нами выделяются структурно-свободные синонимы, обнаруживающие высокую степень взаимозаменяемости в контексте, и структурно-связанные синонимические единицы, показывающие ограниченную возможность субституции. Структурно-свободные синонимы представлены, в частности, однокорневыми и разнокорневыми абсолютными синонимами.

Включение абсолютных синонимов в состав выделяемых нами структурно-свободных нестилистических синонимов может способствовать преодолению конфронтации точек зрения на абсолютные синонимы и их объединению. В этом случае признается отсутствие в абсолютных синонимах идеографических (понятийных) отличий, наличие структурной, частотной и т.п. специфики, а также их обусловленность внутриязыковыми процессами.

Литература

1. Баранникова Т.Б. Стилистические синонимы: принципы и методы исследования. Махачкала: ДГПУ, 2005.
2. Васильев Л.М. Проблема лексического значения // Лексическая синонимия. М.: Наука, 1967.
3. Задорожный М.И. К основаниям системной типологии синонимов // НДВШ. ФН. 2001. №2.
4. Клюева В.Н. Краткий словарь синонимов русского языка. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1961.
5. Кондаков Н.И. Логический словарь. М., 1971.
6. Лагутина А.В. Абсолютные синонимы в синонимической системе языка // Лексическая синонимия. Сборник статей. М., 1967.
7. Левицкий В.В. Типы лексических микросистем и критерии их различия // НДВШ. ФН. 1988. № 5.
8. Лотте Д.С. Основы построения научно-технической терминологии. М., 1961.
9. Мигирин В.Н. Синонимия как лингвистическая, семиотическая и логико-философская проблема // Языковая семантика и речевая деятельность. Вопросы русского языка и литературы. Межвузовский сборник. Кишинев, 1985.

10. Недоступ О.И. Семантически тождественные синонимы-существительные в лексикографическом аспекте. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2011.
11. Смолина К.П. Лексико-семантическая группа и синонимический ряд как конкретная манифестация системности в лексике // Язык: система и функционирование. Сборник научных трудов. М., 1988.
12. Filiepec J. Česca synonyma z hlediska stylistiky a lexikologie. Praha, 1961.
13. Ullman 1957 – S. Ullman. Semantics. An introduction to the science of meaning. Oxford, 1957.

Марцелли А.А.,

*к. ф. н., Южный Федеральный Университет,
доцент кафедры романской филологии*

Орданьян Л.Д.

*Южный Федеральный Университет, доцент кафедры межкультурной
коммуникации и методики преподавания иностранных языков*

КОННОТАТИВНЫЙ АСПЕКТ ЛЕКСИЧЕСКИХ СИНОНИМОВ В ПРОЦЕССЕ КОММУНИКАЦИИ

Предметом данной статьи являются некоторые вопросы коннотативного аспекта функционирования единиц языка на лексическом уровне.

В последнее время многие лингвисты проявили интерес к разработке проблем коннотации как средства, способствующего выражению эмоционально-оценочной деятельности говорящего. Коннотацию часто определяют как «дополнительное содержание слова, как стилистические оттенки, которые накладываются на его основное содержание» [8, с. 152]. Коннотативная характеристика любой лексической единицы правомерно рассматривается как продукт эмоциональной сферы психики говорящего [6, с. 72], как часть лексического значения слова, благодаря которой «выражается психологическое состояние говорящего, его отношение к предмету, объекту и к адресату речи» [14, с. 30].

Наиболее развернутое определение коннотации дала В.Н. Телия, относя ее к «семантической сущности, узуально илиokkaзионально входящей в семантику языковых единиц и выражающей эмотивно-оценочное и стилистически маркированное отношение субъекта к действительности при ее обозначении в высказывании, которое получает на основе этой информации экспрессивный эффект» [12, с. 5].

Любая сущность представляет собой в конечном счете форму или средство отражения действительности. На ступени рационального мышления избирательность отражения действительности достигает весьма большой остроты. В языке фиксируются уже не только наиболее важные для человека явления действительности, но также и факультативные свойства и отношения предметов и явлений. Язык усложняется за счет введения конструкций и явлений представляющих собой различного рода обобщения нашего чувственного опыта. Вследствие этого коннотативный аспект значения лексической или фразеологической единицы не всегда входит в их основное содержание, но находится в сложном единстве с содержанием. Учитывая, что специфика коннотации состоит в ассоциативной сущности, в способности языковых фактов называть представление об определенной социальной среде и т.д., необходимо иметь ввиду двойственную природу коннотации – лингвистическую и экстралингвистическую [9, с. 15].

Обычно различают четыре компонента коннотативного аспекта значения (одновременное их присутствие в коннотативном значении не является обязательным): эмоциональность, экспрессивность, оценочность и стилистическую окраску [1, с. 105]. Некоторые авторы с достаточным основанием включают в состав коннотативного аспекта значения образность [10, с. 18].

Известно, что понимание языковых выражений связано посредством различных ассоциаций с определенным пониманием действительности, составляющим существенную часть человеческого опыта. Речь идет и об индивидуальном опыте человека, и об общественном опыте, накопленном человечеством в процессе общественно-исторического развития. Вот почему языковые выражения, будучи в определенной степени выражением нашего понимания действительности, являются до некоторой степени неопределенными и в каждом отдельном случае могут приобретать различные оттенки смысла. Таким образом, говоря, например, о синонимах, мы выделяем как общее в их значении, так и, что представляется более важным, различительные признаки каждого из синонимов. Для лексических синонимов как единиц лексического уровня такими признаками являются семантика, структурно-словообразовательные показатели, а также особенности функционирования синонимов в речи. Если различия между синонимами касаются предметно-понятийной или эмоционально-экспрессивной стороны лексического значения, синонимы обычно определяются как идеографические и эмоционально-экспрессивные, если же учитываются особенности употребления синонимов в функциональных стилях речи, выделяются стилистические (или стилевые) синонимы. Названные типы синонимов отражают наиболее существенные различия между синонимами-словами, поскольку «понятийно-логическая основа слова, экспрессивная и стилистическая окраска представляют собой три параметра, определяющие выбор средств выражения в условиях синонимии» [5, с. 384].

Синонимический ряд функционирует как единство и взаимодействие синонимии языка и синонимии речи. Известно, что в синонимических рядах «могут быть выявлены и прослежены связи и взаимодействия между словами, их активизация или ослабление, изменение соотношений сфер употребления слов..., т.е. все изменения, которые происходят в лексической системе языка» [11, с. 13].

Синонимический ряд не представляет собой нечто постоянное, ограниченное строгими рамками; он «связывает и то, что принято общеязыковой нормой, и то, что родилось в индивидуальном творчестве», продолжает расти, «притягивая к себе метафорические, сравнительные, контекстные, ситуативные, окказиональные, индивидуальные синонимы» [2, с. 69-70].

На языковом уровне стилистическая окраска свойственна словарным стилистическим синонимам, эквивалентность которых, как правило, частична [3, с. 16] в связи с тем, что коннотативные оттенки той или иной лексической единицы сдвигают ее смысл [4, с. 60]. Рассмотрим синонимические ряды такого эмоционального понятия, как «любовь» (*amour*), имеющего столь широкую сферу применения в жизни человеческого общества, что лексический состав к данному понятию всегда окружен большим количеством синонимов:

amour – *coup de foudre* – *passion* – *affection* – *caprice* – *sentiment* (DS);

affection – *tendresse* – *inclination* – *attachement* – *amitié* – *amour* – *dilection* – *coup de foudre* – *passion* (RB);

amour – *affection* – *attachement* – *inclination* – *tendresse* – *adoration* (PR);

attechement – *inclination* – *affection* – *amitié* – *tendresse* – *amour* – *passion* – *adoration* – *sentiment* – *dilection* – *dévouement* (HB);

любовь – влюбленность – страсть – увлечение – пристрастие – приверженность – слабость – страстишка (CC).

Психологическая сложность содержания данного понятия дает лексикографам основание для субъективизма [7, с. 15], выражающегося в отсутствии единого взгляда на выбор доминанты и на вопрос о построении синонимического ряда. Доминантами выдвигаются *amour*, *attachement*, *affection*. Вопрос о взаимоотношении между членами синонимических рядов приобретает важное значение, так как значение слов нуждается

в уточнении всех его коннотативных оттенков (если они присутствуют). Так, *affection* носит характер более конкретный, чем *amour*, и не нуждается в добавочных уточнительных средствах.

Sentiment, имея достаточно компонентов лексического значения, заменяет другие синонимы с ограничениями индивидуального-психологического порядка. *Attachement* зачастую означает чувство привязанности, часто не любовной, тогда как *passion* во многих случаях говорит о физической любви и т.д. И в русском языке, рассматривая в оппозиции такие члены синонимического ряда, как «увлечение» и «страстишка», мы без труда заметим резко отрицательную характеристику последнего из синонимов. Как уже говорилось выше, в речи синонимические отношения создаются за счет единиц всех уровней, участвующих в реализации стилистической функции в процессе общения [13, с. 187].

Литература

1. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. Л., 1973;
2. Брагина А.А. Синонимы и их истолкование // ВЯ. 1978. №6;
3. Виллюман В.Г. Семантические и функциональные связи слов и их синонимия в современном английском языке: Автореф. дис. .. д-ра филол. Наук. Л., 1971;
4. Винокур Т.Г. Синонимия в функционально-стилистическом аспекте // ВЯ. 1975. №5;
5. Гак В.Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики. М., 1972;
6. Говердовский В.И. Диалектика коннотации и денотации (взаимодействие эмоционального и рационального в лексике)// ВЯ. 1985. №2;
7. Езолка И.А. Проблемы синонимии во французской лексикографии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1964;
8. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. М., 1986;
9. Сапожникова О.С. Коннотативные значения французских лексических единиц // ИЯШ. 1985. № 6;
10. Соколова Г.Г. Фразообразование во французском языке. М., 1987;
11. Смолина К.П. Типы синонимических отношений в русском литературном языке второй половины XVIII века. М., 1977;
12. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986;
13. Хованская З.И. Стилистика французского языка. М., 1984;
14. Шаховский В.И. К типологии коннотации // Аспекты лексического значения. Воронеж, 1982.

Полетаева Е. Д.

ФГБОУ ВПО «МГУ им. Н.П. Огарёва», магистрант 2 года обучения

Заломкин О. В.

ФГБОУ ВПО «МГУ им. Н.П. Огарёва», студент 3 курса

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ИНТЕРНЕТ-САЙТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ САЙТОВ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ)

Для современного делового человека Интернет стал полноценной бизнес-средой, где заключают договора, подбирают персонал, осуществляют деловую переписку. Через всемирную сеть осуществляют покупку товаров и заказ услуг, о которых узнают благодаря соответствующим интернет-сайтам.

Тексты интернет-сайтов, обладающие разными характеристиками, представляют определенные трудности для переводчика, которому приходится учитывать их специфику.

Текст в данном случае не только носитель определенной информации, но и основной критерий, которым руководствуется потребитель, выбирая товар или услугу. При переводе каждого текста и всего ресурса в целом, важно учитывать его структуру и особенности целевой аудитории, особенности тематики сайта.

На сайтах международных организаций представлены тексты, в которых переплетаются характеристики рекламных, информационных, технических текстов и текстов-инструкций.

Как правило, крупные международные организации переводят свои интернет-сайты на другие языки своими силами или обращаются к услугам переводческих агентств, поэтому один доступен на нескольких языках. Однако сайты на родном языке обычно содержат больше информации, чем на иностранном, поэтому перевод официального сайта по-прежнему остается востребованным у различных предприятий, которым интересна деятельность определенной международной организации. В случае если существует сайт на русском языке, у переводчика будет преимущество, так как он может почерпнуть оттуда необходимую терминологию, а также ознакомиться с кратким описанием самой организации. При отсутствии подобного сайта, переводчику придется самостоятельно изучать дополнительную литературу.

Трудности перевода интернет-сайта начинаются с перевода названия компании или продукта. В качестве примера, рассмотрим перевод названия организации Лесной попечительский совет (Forest Stewardship Council). Несмотря на то, что данная организация пользуется определенной известностью в России, в Рунете мы находим два варианта перевода ее названия – Лесной попечительский совет (ЛПС) и Совет лесных попечителей (СЛП). Английский вариант сокращения названия организации (FSC) очень часто используются в интернете на российских ресурсах [2].

При переводе текстов интернет-сайтов важно учитывать адресат перевода. С одной стороны, адресатом может быть любой потенциальный клиент организации или заинтересованный человек, то есть, любой член социума – от школьника, готовящего реферат, до организации, напрямую связанной с данной сферой деятельности. С другой стороны, информация, предназначенная для перевода, часто относится к предметным областям, имеющим достаточно сложную понятийную структуру или оперирующим обширными номенклатурными рядами. В данном случае, предметной областью является лесная сертификация, процесс ее проведения, аккредитация органов, проводящих сертификацию и пр.

Наблюдается противоречие между непредсказуемым (в отдельных случаях довольно низким) образовательным уровнем адресата и возможной сложностью предмета переводимого текста. Однако, обращая внимание на построение интернет-сайта, нам предстает решение этого противоречия.

Как правило, разделы сайта, на которых опубликована общая информация (сведения об организации, ее история), написаны с использованием нейтральной лексики:

- *independent, non-governmental, not-for-profit organization* – *независимая некоммерческая неправительственная организация, democratic process* – *демократический процесс* [2];

- *evaluation indicator* – *индикатор оценки* [3];

- *an umbrella organization* – *зонтичная организация, multi-stakeholder process* – *многосторонняя процедура, local priorities* – *местные приоритеты* [4];

- *tool* – *инструмент, to run efficiently* – *эффективно управлять, positive impact* – *положительное влияние* [5];

с небольшими вкраплениями лексики специальной, например:

- *responsible management of the world's forests* – ответственное лесоправление в мире, *deforestation* – вырубка леса [2];
- *fishing practices* – методы ведения рыбного промысла [3];
- *timber and non-timber forest products* – древесина и недревесные продукты леса, *forest supply chain* – канал поставки леса [4];
- *tourism business* – туристический бизнес, *tour operators* – туроператоры [5].

Кроме того, здесь мы можем найти элементы рекламного текста, выраженные в эмоционально окрашенной лексике, которая привлекает внимание потенциального адресата и закладывает в его голове положительный образ:

- *innovative idea* – инновационная идея, *leading model for environmentally appropriate* [2];
- *make significant improvements* – внести значительные улучшения, *credible standards* – надежные стандарты [3];
- *conserving forests and their invaluable biodiversity* – сохранение лесов и бесценного биологического разнообразия [4];
- *one of the world's largest industries* – одна из самых больших индустрий в мире, *a vital source* – жизненно важный источник [5].

В разделах посвященных деятельности организации активно используются специальные термины:

- *forest resources* – лесные ресурсы, *long-term management plans* – управления на основе долгосрочных планов, *affected communities* – местное население, *financial returns* – получение финансовой прибыли, *full range of forest products and services for their best value* – спектр продуктов и услуг лесных экосистем по наилучшей стоимости [2];
- *sustainable fishing* – экологически устойчивая рыбная ловля, *haddock industry* – производство пикши, *marine ecosystem* – морская экосистема [3];
- *biodiversity* – биоразнообразие, *species* – виды, *global certification system* – глобальная система сертификации [4];
- *symbol of sustainability* – символ устойчивости, *global marketplace* – глобальный рынок, *livelihood* – средства к существованию [5].

Но и здесь мы видим примеры эмоционально окрашенной лексики, производящие должный эффект (*sufficiently profitable, to enjoy long term benefits, can be reduced* [2]; *thriving marine ecosystems* – изобилующая морская экосистема, *an essential contributor* – заметный вклад [3]; *forest degradation and deforestation* – деградация и вырубка лесов [4]; *precious forests* – ценные леса, *to conserve our planet's rainforests* – сохранить тропические леса нашей планеты [5]), который необходимо сохранить при переводе.

В определенных разделах мы можем также найти примеры текста-инструкции.

При переводе такого типа текста, переводчику необходимо придерживаться литературной нормы языка, уделять особое внимание тому, чтобы информация была передана четко, без двусмысленностей.

Кроме того, мы видим примеры лексических единиц, свойственных только текстам интернет-сайтов: *Attachments (pdf, word or JPEG format), Comments, Submit*, аналоги которых можно найти на русскоязычных сайтах – *Прикрепить (файлы в формате pdf, word или IPEG), Комментарии, Отправить*. В таких случаях переводчику следует быть внимательным, чтобы распознать эти единицы.

В новостных разделах сайтов публикуются сообщения о деятельности, достижениях организации, событиях, связанных с ней. Их перевод представляет наибольшую сложность для переводчика, так как там встречаются примеры прецизионной и эмоционально окрашенной лексики, терминов, и все это выдержано в стиле информационного сообщения, содержащего определенные клише, которое

должно быть понятно потенциальному читателю и произвести на него необходимый эффект.

Для ознакомления лицам, заинтересованным в деятельности организаций, предоставлен доступ к некоторым документам, например, доступ к директивам, процедурам, стандартам и т.д. Данные материалы имеют юридическую силу и содержат в себе предписания, то есть сочетают в себе элементы юридического текста и текста-инструкции: имеют определенную строгую структуру, написаны в сухом канцелярском стиле.

Сложность перевода интернет-сайта состоит в том, что переводчику необходимо учитывать специфические особенности каждого из представленных жанров, чтобы не утратить коммуникативный эффект, который они должны производить.

Поэтому при необходимости перевода на другой язык интернет-сайта лучше всего обращаться к группе переводчиков – это не только ускорит процесс перевода, но и позволит каждому специалисту остановиться на переводе текстов определенного жанра, что упростит ему работу.

Литература

1. Алексеева И. С. Введение в переводоведение: учеб. пособие для филолог. и лингвист. фак. вузов. – М.: Академия; СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2004. – 325с.
2. Официальный сайт Лесного попечительского совета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fsc.com/>
3. Официальный сайт Морского попечительского совета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.msc.org>
4. Официальный сайт Program for the Endorsement of Forest Certification schemes [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pefc.org/>
5. Официальный сайт организации Rainforest Alliance [Электронный ресурс]. – Режим доступа: rainforest-alliance.org

Савина Е. М.
МГОУ / ИЛиМК

ФАТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ЯЗЫКА И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ДИАЛОГОВ С НЕМЕЦКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Фатическая функция языка принадлежит к числу недостаточно полно раскрытых функций. Термин принадлежит английскому исследователю Б.Малиновскому и отражает, по его мнению, стремление к созданию «уз общности» между людьми. В речи данное стремление реализуется посредством специальных лексических единиц, устойчивых словесных комплексов, а также при помощи паралингвистических средств, таких как мимика и жесты. В словаре лингвистических терминов О.С.Ахмановой данная функция трактуется как «...проявляющаяся в ситуациях, в которых говорящий не стремится сразу же передать слушающему информацию, а хочет лишь придать естественность их совместному пребыванию где-либо, подготовить слушающего к восприятию информации, обратить на себя внимание и т.п.» [1, с.509]. Данная трактовка термина «фатическая функция» представляется несколько узкой, поскольку фатическая функция проявляется не только при установлении речевого контакта, но и продолжает действовать на протяжении всего диалога, вплоть до его завершения.

Существенными ориентирами при установлении и поддержании контактов между коммуникантами являются, с одной стороны, их постоянные (статусные) характеристики и, с другой, переменные (ролевые) признаки. В числе первых могут быть названы социальное положение, возраст, пол, образование, профессия. Ролевые признаки формируются в соответствии с теми связями, в которые вступают люди, являясь участниками самых разных социальных групп, а также в зависимости от

социальных функций, выполняемых ими на момент общения. Роль членов всякой социальной группы, как правило, отмечена печатью принадлежности к данной группе, причем различия обнаруживаются на всех уровнях – от фонетики до способов организации целого высказывания. Для говорящего важно не только осознание своей социальной роли, но и роли партнера по общению. Для построения социально-корректного высказывания необходимо иметь четкое представление о том, «... по отношению к какому лицу, представляющему ту или иную социальную позицию или роль, в каких ситуациях общения уместно использовать данную знаковую систему, подсистему или их единицы» [2, с.128].

Самым существенным экстралингвистическим фактором всякого социально-речевого взаимодействия является ситуация общения. Наиболее значимыми ее признаками для участников общения являются такие, как знакома ли им данная ситуация или нет, является ли она формальной или неформальной, а также заинтересованность в разговоре. Следует также отметить, что наиболее яркое влияние ситуации на выбор речевых средств проявляется в зависимости от ее частотности (повторяемости). В часто встречающихся ситуациях используются стереотипные (шаблонные) формы общения. Праздник, прием у врача, покупка продовольствия, разговор на вокзале, юридическая консультация и пр. связаны с характерными для каждой из этих ситуаций средствами выражения (в первую очередь в области лексики, форм обращения). Речевое поведение здесь социально предписано. Стандартность ситуации «требует» использование стандартных речевых средств – общепринятых «формул», предназначенных для данной специфической ситуации. Иными словами, обстановка и условия протекания разговора определяют в самой существенной степени уместность и сообразность языковых средств.

В реальном общении фаза установления речевого контакта иногда может отсутствовать. Речевые действия, связанные с установлением речевого контакта, характеризуется тем, что сами по себе не являются целью общения, а лишь предваряют его, создавая условия для дальнейшего согласованного диалога. Их несущественность в этом смысле можно проиллюстрировать тем фактом, что фаза установления контакта пересказывается третьим лицам лишь тогда, когда в ней были какие-либо отклонения [3, с.74]. Обращают на себя внимание случаи, когда привлечение внимания осуществляется путем непосредственного приглашения к разговору, подчеркиванием его значимости, доверительности, напр.:

- *Ich komme serios, - sagte ich. - Wie steht's mit dem weiblichen Arbeitsmarkt, Erna?*

- *Nanu, - erwiderte sie, was fur eine Frage so halt vor die nuchterne Brust! Im iibrigen: oberfaul.* (Е.М.Ремарке. Drei Kameraden.)

- *Я по серьезному делу, - сказал я. - Как обстоят дела на женской бирже труда, а, Эрна?*

- *Ого! - сказала она. - Ничего себе вопросик на засыпку! Но вообще-то хреново обстоят.* (Э.М.Ремарк. Три товарища. Пер. Ю.Архипов)

Безусловное отношение к фазе установления контакта имеют этикетные формы приветствия, правильность выбора которых в иных случаях может определить успешность всего общения. Так, в следующем примере, сочетание этикетных формул знакомства и адресованных собеседнику комплиментов создают благоприятные условия для развития речевого контакта:

- *Bitte, entschuldigen Sie, - sagte ich, - ein unvorhergesehener Zufall - können Sie mir etwas heifien Tee geben?* (Е.М.Ремарке. Drei Kameraden)

- *Простите меня, пожалуйста, - обратился я к нему, - непредвиденный случай - вы не могли бы дать мне немного горячего чая?* (Э.М.Ремарк. Три товарища. Пер. Ю.Архипов)

Обращение *«Bitte, entschuldigen Sie»*, является узуальной фразой, позволяющей избежать прямого обращения.

Помимо этикетных формул, конструкций с устойчивым лексическим составом и прочих обращений, при переводе очень важно выбрать соответствующие данной ситуации общения функционально-стилистические и нормативно-стилистические средства [4, с.79]. Вполне подходящее среди студентов приветствие *«Привет, ребята»*, совершенно неуместно при встрече ректора с преподавателями, где стандартной фразой приветствия будет *«Здравствуйте, коллеги»*. Если же поменять эти фразы местами, то это вызовет недоумение и удивление слушающих, поскольку их мысли будут привлечены не к содержанию речи, а к этому странному приветствию. Таким образом будет нарушен контакт между отправителем и адресатом, необходимый для достижения коммуникативного эффекта. Поэтому переводчик должен не просто переводить одни стандартные реплики другими, но и руководствоваться выбором функционально-стилистических и нормативно-стилистических средств, исходя из описываемой в художественном произведении ситуации общения.

Важным составляющим элементом фатической функции языка является поддержание речевого контакта, который определяется как физический канал и психологическая связь между отправителем и получателем. Психологически существенным моментом всякого общения является уверенность его участников в устойчивости канал связи, т.е. не только в том, что они друг друга слышат, но и внимают друг другу, достаточно адекватно воспринимают речь, понимают ее содержание и интенцию. Особому контролю этот фактор подвергается в том случае, если связь опосредована, например, телефоном. В подобных ситуациях в текст включаются реплики-запросы, с одной стороны, и реплики-подтверждения (реплики-отрицания) с другой, с целью контроля «исправности» канала связи, напр.:

Die Stimme der Schwester klat wieder.

- Professor Jaffe ist aus der Klinik schon fortgegangen.

- Wohin?

- Ich kann es Ihnen wirklich nicht sagen, mein Herr.

Aus. Ich lehnte mich an die Wand.

- *Hallo, - sagte dei Schwester, - sind Sie noch da?* (E.M.Remarque. Drei Kameraden)

Снова послышался голос сестры.

- Профессор Жаффе уже ушел из клиники.

- Куда?

- Сударь, этого я не знаю.

Это конец. Я прислонился к стене.

- **Алло!** - произнесла сестра. - **Вы еще здесь?** (Э.М.Ремарк. Три товарища. Пер. Ю.Архипов)

Более удачным переводом, осуществленным с соблюдением узуса, представляется вариант перевода: *«Вы еще слушаете?»*

Для поддержания «смыслового» контакта, для того, чтобы адресат мог непрерывно воспринимать логический ход сообщения, текст диалога должен быть организован как цепочка последовательно чередующихся тем-рем, где каждая рема определенным образом вытекает из того, что было сказано ранее, а первая тема есть нечто хорошо известное адресату, например:

- *Das ist ein grossartiger Bursche.*

- *Ein Genie ist er!* (E.M.Remarque. Drei Kameraden)

Чаще всего, рема предыдущего высказывания становится темой последующего, но данный способ построения тема-рематиической цепочки является нестандартным. В

ответе «*Ein Genie ist er*» заложен смысл, который можно было бы выразить словами «*Was heisst grossartig? Es ist zu schwach ausgedrueckt! Ein Genie ist er!*»

Таким образом, фатическая функция не ограничивается лишь установлением контакта, как ее обычно трактуют, но и является средством поддержания и завершения речевого контакта. Она реализуется не только через узко-функциональные речевые формулы, но и путем отбора языковых единиц и речевых конструкций с адекватной нормативно-стилистической окраской. Фатическая функция реализуется при помощи включения в речь разного рода запросов и ответов, помогающих установить, насколько эффективно слушающий способен воспринимать информацию, а также путем построения адекватной тема-рематической цепочки, причем участие этих средств в реализации фатической функции не менее весомо, чем разного рода контактно-функциональные речевые формулы.

Литература

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Москва, 1966, с.509.
2. Никольский Л.Б. Синтаксис речевой деятельности. Минск, 1976, с.128.
3. Формановская Н.И. «О коммуникативно-семантических группах и функционально-семантических полях»//Русский язык за рубежом, 1986, вып.3, с.74.
4. Латышев Л.К. Курс перевода (Эквивалентность и способы ее достижения). Москва, 1981, с.79.

Черкас И.А.

доцент, кандидат филологических наук,
Южный федеральный университет, заведующая кафедрой Теории и практики
английского языка

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СПОСОБОВ ВЫРАЖЕНИЯ РАДОСТИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ БРИТАНСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ АВТОРОВ

Базовыми номинантами, репрезентирующими ядерные признаки эмоции "радость" являются лексемы *joy* и *glad*. Принадлежность лексем, составляющих ядерную область эмоции, к разным частям речи дает возможность выявить дополнительные признаки в структуре исследуемой эмоции. Так, лексема *joy* обозначает широкий спектр положительных эмоций, объективирует состояния "внутреннего удовольствия" и "счастья", а также обладает абстрактным значением, описывая универсальную радость без учета интеллектуальной, физиологической или собственно эмоциональной подоплеки. Прилагательное *glad* передает характеристики субъекта, испытывающего состояние счастья, но употребляется преимущественно в функции предикатива, указывая на разовое качественное состояние субъекта. Таким образом, общность ядерных компонентов эмоции радость заключается в том, что лексемы *joy* и *glad* не только предполагают счастливое состояние, событие, радость, но и наличие субъекта и описания его психологического самочувствия.

На периферии данного поля можно констатировать присутствие таких синонимов ядерной лексемы *joy*, как *bliss*, *felicity*, *happiness*, образующих микрополя со значением "радость". На самом дальнем расстоянии от центра и ядра находится синоним *ecstasy*, выражающие понятие экстаза, иступленной радости. Эти понятия счастья, восторга, экстаза не входят в состав лексико-семантического поля ядерной лексемы *joy* и являются выражением динамики развития семантического наполнения данной лексемы.

Переживание радости связано с целым рядом положительных эмоций (удовольствие, наслаждение, восторг, восхищение и т.д.). В силу такой множественности языковая репрезентация рассматриваемой эмоции нелегко поддается описанию.

Анализ толковых словарей английского языка позволил вывести синонимичный ряд и разбить данную группу эмоциональной лексики на четыре подгруппы: "восторг, восхищение", "веселье", "довольство, удовольствие, наслаждение", "торжество, ликование".

Существуют разнообразные языковые средства выражения эмоции "радость". В ходе исследования способов репрезентации рассматриваемого эмоционального состояния в произведениях американских и британских авторов мы подразделили их на три группы. Лексико-семантическая группа включает в себя эмотивные прилагательные, междометия, фразеологизмы, интенсификаторы. Грамматическая группа представлена клишированными эмотивными структурами, причастными оборотами, парантетическими внесениями. Группа стилистических средств является самой многочисленной по количеству приемов, в нее входят: метафора, олицетворение, сравнение, гипербола, оксюморон, повтор, анадиплосис, градация, инверсия, параллелизм, полисиндетон. Согласно количественным данным, полученным в результате исследования языковых средств в произведениях американских и британских авторов, самыми часто употребляемыми являются междометия, интенсификаторы, парантезы, причастные обороты, клишированные эмотивные структуры, метафоры.

Сопоставив основные средства вербализации эмоции "радость" в текстах американских и британских писателей, мы выявили некоторые сходства и различия. Прежде всего, наблюдаются расхождения в частности употребления прилагательных, выполняющих функцию передачи эмоционального состояния радости. Так, американцы используют большее количество разнообразных эмотивных прилагательных, в отличие от британцев, которые отдают предпочтение более узкому перечню эмотивов. При исследовании экспрессивности качественных прилагательных со значением эмоции "радость", обусловленной морфологической производностью, мы отметили, что в речи американских писателей преобладает превосходная степень, а в текстах британских авторов - сравнительная.

Совершенно особый пласт лексики составляют междометия. В процессе исследования тех, что служат для выражения радости в текстах англоязычной литературы, мы обнаружили многочисленные примеры разнообразия междометий у американцев и более ограниченное использование одного единственного междометия *oh* в речи британцев. При этом в обеих культурах прослеживается тенденция усиления экспрессивности междометий за счет использования эмоционально-окрашенных прилагательных, гораздо реже глаголов и наречий.

Также на лексико-семантическом уровне категория интенсивности широко представлена интенсификаторами. Сопоставление усилительных наречий с эмотивной нагрузкой радости в американском и британском варианте свидетельствует о том, что американские авторы в большинстве случаев употребляют интенсификаторы, предполагающие максимальную степень интенсивности, а британские - склонны к использованию более нейтральных, эмоционально менее окрашенных усилителей.

Что касается грамматических средств, следует отметить парантезу. Парантетические внесения с семой радости многократно встречаются в анализируемой художественной литературе. Довольно странно, но исследования показали, что парантезы радости превалируют главным образом в британской литературе, и встречаются в сравнительно небольшом объеме в американской.

Еще одной частотной конструкцией с ярко выраженной функцией экспрессии является причастный оборот. Примечательно, что данный прием одинаково употребляем в творчестве американских и британских писателей.

Другой важной составляющей текста с семантическим компонентом радости являются клишированные эмотивные структуры. В предложении они способствуют

усилению образности, т.е. выполняют роль интенсификатора прилагательного (в данном случае положительной оценки). И американцы, и британцы применяют их в равной степени для выражения эмоции "радость".

Среди изобразительно-выразительных средств мы выделили только метафору. Богатая образная структура позволяет представить эмоцию радости как природную стихию, живое существо, динамичный объект, пространство. Однако при анализе материала нами было замечено, что световые и цветовые метафорические выражения являются наиболее частотными и плодотворными в американской и британской литературе для описания эмоции радости. Что касается других тропов, применимых к созданию многогранного образа радости, стоит отметить существенное преобладание олицетворения, гиперболы и оксюморона в американской речи по сравнению с британской.

Таким образом, подводя итоги можно сказать, что американцы более склонны, чем британцы гиперболизировать оценочный смысл своих высказываний, в результате чего их речь более экспрессивна и эмотивна. Выражая чувства и эмоции, они более раскованы и прямолинейны, британцы же напротив сдержаны, уклончивы и ориентированы на использование более нейтральной лексики.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: «Языки русской культуры», 1999
2. Филимонова О.Е. Язык эмоций в английском тексте «Когнитивный и коммуникативный аспекты»: монография. СПб.: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2001
3. Wierzbicka A. Semantics, culture and cognition. Universal human concepts in culture-specific configurations. New York, 1992.

Шурупова М.В.

к. филол. наук,

*ГОУ ВО МО «Государственный гуманитарно-технологический университет» г. Орехово-Зуево
старший преподаватель кафедры
английской и русской филологии*

Бирюкова А.Д.

*студентка 4 курса факультета иностранных языков
очной формы обучения*

ГОУ ВО МО «Государственный гуманитарно-технологический университет» г. Орехово-Зуево

ЯВЛЕНИЕ ИДИОМАТИЗАЦИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЕ

В последнее время в России возник интерес к иноязычным СМИ, и поэтому сегодня очень важным является изучение языка англоязычной прессы, а также рассмотрение ряда особенностей, к которым относятся идиомы. Для более точного понимания иноязычного текста очень важно понять то, как необходимо трактовать значение той или иной идиомы.

Отечественные лингвисты дают следующее определение идиомы:

Идиома – это присущий только данному языку и не переводимый на другие языки устойчивый оборот речи, значение которого не вытекает из суммы значений составляющих его элементов (Т.Ф. Ефремова) [3].

Идиома – это единица постоянного контекста, в которой указательный минимум и семантически реализуемый элемент нормально составляют тождество и оба представлены общим лексическим составом словосочетания и которые характеризуются целостным значением (Н.Н. Амосова) [1, с. 33].

Идиома – это устойчивое словосочетание различных структурно-семантических типов, чье значение является результатом полного или частичного семантического переосмысления (А.Н. Баранов) [2, с. 51–64].

Зарубежные лингвисты определяют идиому следующим образом:

Идиома – это лексикализованное воспроизводимое словосочетание, состоящее из двух и более слов, обладающее относительной синтаксической и семантической стабильностью, которое может быть идиоматичным, обладать коннотацией и выполнять усилительную функцию в тексте (R. Gläser) [5, p. 130].

Идиома – это устойчивое выражение, в котором два или более слова связаны синтаксически, но со значением, соответствующим одной лексической единице (P.H. Matthews) [6, p. 156].

Идиома – это фразовая единица, чье значение невозможно вывести из ее синтаксических компонентов (H.W. Fowler) [4, p. 216].

В данной работе будет рассмотрено репрезентативное количество идиом (около 15 единиц), что позволит сделать вывод о том, с какими трудностями может столкнуться переводчик при передаче значения идиомы на русский язык.

Приведем несколько примеров для иллюстрации:

1. “It is a highly leveraged company which is something investors will definitely **keep an eye on**”, Mr Preston said. В данном предложении идиома переводится как «последить и позаботиться о ком-либо или о чем-либо» (не спускать глаз, держать в поле зрения) [7].

2. Only then will the bank be free to embark on a small-business lending strategy that will allow its Indian bank, with a loan book of 4bn Singaporean dollars (\$2.8bn), **to keep pace with** growth in other big Asian markets. В приведенном предложении идиому можно перевести как «не отставать, идти в ногу с кем-либо или чем-либо» (в данном контексте возможен перевод «оказаться конкурентоспособным») [7].

3. It finally dawned on the loyal foot soldiers in the odd-couple coalition that they were being taken for suckers; their causes always seemed **to get the short end of the stick**. Словосочетание можно трактовать как «нечестная, несправедливая доля, отношение, положение и т.п.» [7].

4. The agency stepped in to **get the programme back on track** two years ago but a new digital solution being developed to underpin the scheme’s national rollout is making slow, if steady, progress. Идиому можно на русский язык передать как «оказаться снова в седле» (вернуться на круги своя, встать на верный путь) [7].

5. He’d spoken about the silence of indigenous peoples, playing dumb, how they came to understand that no invader could ever really **get the upper hand**, no matter how fierce his face or strong his weapon or cunning his tricks if he didn’t know their language. В данном примере идиому можно перевести как «иметь превосходство над кем-либо, господствовать над кем-либо» (одержать верх, выиграть) [10].

6. Obviously. When we say one-hundred-per-cent pure beef, no fillers, no additives, people still don’t believe it. And I don’t know how **to get my arms around** that. It is very frustrating. На русский язык идиому можно перевести как «охватить» («добираться до чего-либо, наконец сделать что-либо») [10].

7. And agree, as well, that when a crisis arises we need to face it together, in a spirit of cooperation, put our best foot forward, **keep our head** when all about us are losing theirs. В этом предложении идиоматическое выражение переводится как «не терять головы, не растеряться» (сохранять спокойствие, особенно в сложных ситуациях) [10].

8. A lot of time people can **get sucked into** this idea of reading every chat room and scanning things and reading around, but that’s just distraction,” he says. Можно предложить следующий русский эквивалент данной идиоме – «быть вовлеченным во что-либо (куда не очень-то и хотелось быть вовлеченным)» [12].

9. But car insurance doesn't work like that. The system is designed so that as many subsidiary industries as possible can **get their snouts in the trough**. Данное выражение имеет следующий смысл: «иметь или получить долю в денежных поставках или обладать другими преимуществами, которые люди охотно и иногда заполучают нечестным образом» [11].

10. Although Nike and Samsung hold the lion's share of the market, a clutch of startups are trying to **get a piece of the fitness pie**. These include the likes of Get Active, GOQii, Fitkat and Gecko. Данное идиоматическое выражение можно передать на русский язык как «ухватить кусок пирога» [13].

11. Germany – indeed, the whole EU – wants to **keep its hands clean** and pay someone else to do the “dirty work” of turning back asylum seekers. Идиома имеет следующую трактовку – «избегать вовлечения в какую-либо незаконную деятельность, не быть замеченным в чем-либо, вовлеченным во что-либо (выйти сухим из воды)» [13].

12. Why can't we **get our minds around ME**? Do you ever wake up worried that you have tiny fibres growing beneath your skin, all along your spinal column? Идиоматическое выражение на русский язык можно передать так: «добиться успеха в чем-то сложном, сосредоточить внимание» [13].

13. Mr Goyal sees good reasons for investors **to keep the faith with** Mr Son. “It is difficult to find anywhere else a combination of Son's record as an entrepreneur, a turnaround operator and an investor – investing in the internet, where even Warren Buffett fears to tread – and with his track record of success,” he says. Идиома имеет несколько вариантов перевода на русский язык: «быть добрым по отношению к кому-либо», «сохранить веру во что-либо» [9].

14. Saddam Hussein ruled with an iron fist and managed **to keep the lid on** the long standing distrust between Sunni and Shiite Muslims until President George W. Bush sought to democratize Iraq. The result was a terrible history lesson for the west. Данное идиоматическое выражение на русский язык передается как «держаться, хранить в секрете» [8].

15. How did Greece **get into this mess**? Greece was forced to seek loans from its European partners when its economy imploded in 2009 because it could no longer borrow on international markets after it became known that the country had been understating its deficit for years. Идиома переводится как «попасть в беду» (разговорный вариант – «влипнуть») [8].

В ряде примеров существует неоднозначная трактовка идиомы, что вызывает трудности при выборе того или иного варианта при переводе на русский язык. В данном случае необходимо опираться на контекст (как на узкий, так и на широкий), а также прибегать к использованию экстралингвистических данных. Особенно важным это является при работе с текстами политического, экономического характера, где не следует допускать двусмысленности.

В целом можно сделать вывод о том, что использование в текстах идиом обусловлено стремлением усилить экспрессивную окраску речи, оживить повествование, обогатить речь и избежать чрезмерного употребления речевых штампов.

Перевод идиом в первую очередь зависит от наличия или отсутствия эквивалента в языке перевода. Для того чтобы выполнить адекватный, профессиональный перевод нужно учитывать все компоненты, окружающие идиому: образный, предметный, эмоциональный, стилистический и национально-этнический.

Литература

1. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1963. – 208 с.
2. Баранов А.Н. Идиоматичность и идиомы / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский // Вопросы языкознания. – 1996. – № 5. – С. 51–64.
3. Ефремова Т.Ф. *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный.* – М.: Русский язык, 2000 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.efremova.info/word/idioma.html#.VmSNtnnWjIU> (дата обращения: 24.11.2015).
4. Fowler H.W. A Dictionary of Modern English Usage. – 2nd edition revised by Sir Ernest Gowers. – Oxford: Oxford University Press, 1965. – 749 p.
5. Gläser R. The Stylistic Potential of Phraseological Units in the Light of Genre Analysis / Rosemarie Gläser // Phraseology: theory, analysis, and applications / ed. by A. P. Cowie. – Clarendon Press: Oxford, 1998. – P. 125–143.
6. Matthews P.H. The Concise Oxford dictionary of linguistics / P. H. Matthews. – Oxford; New York: Oxford University Press, 1997. – 410 p.

Источники примеров

7. Financial times [Электронный ресурс]. – URL: www.ft.com/ (дата обращения: 31.11.2015).
8. Los-Angeles Times [Электронный ресурс]. – URL: www.latimes.com/ (дата обращения: 27.11.2015).
9. The Economist [Электронный ресурс]. – URL: www.economist.com/ (дата обращения: 28.11.2015).
10. The New Yorker [Электронный ресурс]. – URL: www.newyorker.com/ (дата обращения: 30.11.2015).
11. The Spectator [Электронный ресурс]. – URL: <http://new.spectator.co.uk/> (дата обращения: 30.11.2015).
12. Time USA [Электронный ресурс]. – URL: <http://time.com/> (дата обращения: 28.11.2015).
13. The Week [Электронный ресурс]. – URL: <http://theweek.com/> (дата обращения: 27.11.2015).

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Исаева Инна Владиславовна

директор МАОУ «Гимназия №5» г. Чебоксары, аспирант кафедры педагогики и психологии ФГБОУ ВПО «ЧГПУ им. И.Я. Яковлева», г. Чебоксары, Чувашская Республика, Россия

Isaeva Inna Vladislavovna

Director of Gymnasium №5, Cheboksary, Postgraduate student of the Chair for Pedagogic and Psychology, Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Chuvash Republic, Russia

ФОРМИРОВАНИЕ МЕТАПРЕДМЕТНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ПРОЦЕССЕ ОСВОЕНИЯ КУРСОВ ПО ВЫБОРУ (ОПЫТ МАОУ «ГИМНАЗИЯ №5» Г. ЧЕБОКСАРЫ)

В статье рассматривается опыт МАОУ «Гимназия №5» г. Чебоксары по формированию метапредметных компетенций обучающихся в ходе освоения курсов по выбору для обучающихся 5-7 классов. Курсы по выбору являются одним из инструментов, обеспечивающих открытость образовательного пространства гимназии, избыточность образовательных возможностей, способствуют самоопределению обучающегося и построению его индивидуальной образовательной траектории. Статья опирается на результаты мониторинга качества обеспечения условий индивидуализации образования и тьюторского сопровождения образовательных запросов, проведенного в мае-июне 2015 года.

Ключевые слова: метапредметные компетенции, открытое образовательное пространство, индивидуализация образования

В условиях модернизации современное образование направлено на формирование креативных социальных и специальных компетентностей, важных для информационного общества, на формирование социально ценных качеств личности – таких как самостоятельность, инициативность, ответственность, активность, мобильность [1]. При этом, «...базовая компетенция современного человека, актуальная в особенности в России, - рефлексивная возможность помещения себя в определенную систему деятельности и социальную ситуацию, в том числе возможность капитализации (и превращения в ресурс) собственных наличных качеств и обстоятельств» [3, с. 80].

Для овладения данной базовой компетенцией (которая включает в себя целый комплекс метапредметных компетенций) необходимо создание условий и возможностей самоопределения ученика и индивидуализации обучения, что напрямую связано с понятием избыточности образовательной среды. Выбор механизмов и инструментов создания избыточной образовательной среды, безусловно, зависит от специфики образовательного учреждения. Однако, утверждает Т.М. Ковалева, «относительно любой целевой аудитории, которая имеется в образовательном учреждении, образовательная среда должна быть избыточна. Избыточна настолько, чтобы была реальная возможность выбора...» [2].

Одной из проблем, возникающих при модернизации российского школьного образования, является недостаточное осознание педагогами важности формирования метапредметных компетенций и методическая неготовность педагога к включению соответствующих практик в образовательный процесс. Формирование этой готовности – достаточно длительный поступательный процесс.

Одной из возможностей такого поступательного формирования осознанного отношения к внедрению практик, направленных на формирование метапредметных

компетенций является опыт организации и проведения курсов по выбору для учащихся 5-7 классов МАОУ «Гимназия №5» г. Чебоксары. Курсы по выбору для обучающихся 5-7 классов МАОУ «Гимназия №5» г. Чебоксары являются одним из инструментов, обеспечивающих открытость образовательного пространства гимназии, избыточность образовательных возможностей, способствуют самоопределению обучающегося и построению его индивидуальной образовательной траектории.

В мае - июне 2015 года в гимназии был проведен мониторинг качества обеспечения условий индивидуализации образования и тьюторского сопровождения образовательных запросов обучающихся 5-7 классов, реализуемых в рамках курсов по выбору, показавший, в частности, интересные результаты в контексте темы данной статьи.

Объектом мониторинга являлись обучающиеся 5-7 классов и группа педагогов (11 человек), преподающих курсы по выбору. В процессе проведения исследований были использованы следующие методы: беседа; собеседование; наблюдение; анкетирование; видеоинтервью.

При сравнении результатов видеоинтервью педагогов и гимназистов особое внимание привлекла позиция, касающаяся описания тех умений, которые, приобрели гимназисты. Если поделить умения и навыки на две группы и условно назвать их *предметными*, то есть имеющими отношение непосредственно к содержанию курса, и *метапредметными*, то получается, что педагоги, отвечая на вопрос «Чему научились на Вашем курсе гимназисты?» перечисляли навыки, которые связаны с конкретным предметом деятельности курса, такие, например, как: «умение писать сценарии», «брать интервью», «делать монтаж кадров», «ставить опыты», и т.п.. Лишь затем добавлялись метапредметные компетенции: «проявлять инициативу», «работать с информацией», «работать с картами», «вести переговоры», «работать в группе», «конструктивно взаимодействовать друг с другом», «принимать самостоятельные решения».

В ответах детей на вопрос «Чему Вы научились в процессе работы на курсе? Что в Вас изменилось благодаря курсу?» картина выглядела диаметрально противоположной. Учащиеся в первую очередь называли следующие позиции: «научились сотрудничеству», «умению слышать друг друга», «научились договариваться», «научились оценивать работы друг друга», «стали терпимее друг к другу», «стали дружнее». И только потом назывались позиции, связанные с приобретением конкретных навыков, таких, как «лепить», «монтировать», «ставить опыты», «писать сценарии», «брать интервью», «снимать сюжеты» и т.д.

Такой порядок перечисления приобретенных навыков и умений свидетельствует о разной постановке приоритетов со стороны учащихся и педагогов. Несомненно, надо особо отметить как позитивное явление то, что гимназисты для себя сочли «умение сотрудничать», «умение слышать друг друга», «умение договариваться», «оценивать работы друг друга», «терпимое отношение друг к другу» и т.д. более ценными приобретениями, нежели навыки предметного характера. Логика же ответов педагогов, с одной, стороны, становится понятной в свете конкретных задач и индикаторов, поставленных ими в ходе планирования курсов, с другой стороны, налицо недопонимание важности метапредметных компетенций и недостаточное развитие навыка рефлексии в отношении процесса их формирования у учащихся.

В целом, результаты проведенного мониторинга обнаруживают факты и положительные тенденции изменения профессиональной позиции педагогов, осваивающих новые формы построения субъектно-субъектных отношений с учащимися, новые технологии и форматы построения образовательного процесса. Преобладающее большинство руководителей курсов действовали правильно,

принимали адекватные решения, использовали эффективные приемы и техники, хотя и действовали чаще интуитивно, не добиваясь строгого соблюдения технологии.

По итогам мониторинга педагогическим коллективом МАОУ «Гимназия №5» г. Чебоксары было принято решение использовать практику проведения курсов по выбору как потенциальную площадку для качественного освоения технологий индивидуализации и формирования метапредметных компетенций не только в рамках курсов по выбору, но и при преподавании других учебных дисциплин.

Библиографические ссылки

1. Кокамбо, Ю.Д., Скоробогатова, О.В. Тьюторство как новая форма взаимодействия участников образовательного процесса. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.amursu.ru/attachments/article/9505/N60_20.pdf

2. Ковалева, Т.М. Тьюторство как эффективная практика индивидуализации. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.akvobr.ru/tjutorstvo_praktika_individualizacii.html

3. Попов, А.А. Открытое образование: философия и технологии. М., 2013

4. Рыбалкина, Н.В. Открытое пространство образования: способы представления и построения/ Н.В. Рыбалкина// Переход к Открытому образовательному пространству: стратегии инновационного управления. Томск, 2003. - С. 24 - 31.

5. Серякова, С. Б. К вопросу о компетентностном подходе в образовании. Текст. / С.Б. Серякова // Актуальные проблемы профессионально-педагогического образования. Калининград : Изд-во КГУ, 2004. - С. 92-95.

6. Хуторской А.В. Технология проектирования ключевых и предметных компетенций. Интернет-журнал "Эйдос". - 2005. - 12 декабря. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.eidos.ru/journal/2005/1212.htm>.

7. Эльконин, Б. Д. Понятие компетентности с позиции развивающего обучения. Текст. / Б. Д. Эльконин // Современные подходы к компетентностно-ориентированному образованию. — Самара, 2001. — С. 22—27.

Рыбаков В.В.

к. филос. н.,

*Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет
информационных технологий, механики и оптики,
старший преподаватель кафедры социальных и гуманитарных наук*

ФИЛОСОФСКАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА И ТРАНССЕМИОТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ КОММУНИКАЦИИ

Философская герменевтика как одно из важнейших направлений философии XX века, становление которого связано преимущественно с именем немецкого философа Г.-Г. Гадамера, может осмысляться с различных точек зрения, в том числе, и как теория коммуникации. В таком качестве, однако, она обладает рядом недостатков и нуждается в дополнении. Обоснованию необходимости такого дополнения, а также указанию на то, с чем именно это дополнение должно быть связано, и посвящены данные тезисы.

Основное проблемное поле герменевтики Гадамера связано с демонстрацией возможности понимания и желанием «прояснить те условия, при которых понимание совершается» [2, с. 350]. Понимание при этом берется в предельно широком смысле: речь идет не только о понимании между людьми, но и о понимании текстов, артефактов прошлого, исторических событий и, в конечном счете, мира, в котором живет человек; тем самым, однако, оказывается разработана фундаментальная теория коммуникации, осмысляющая взаимоотношение человека с миром, культурой и другими людьми.

Герменевтике Гадамера, в целом, свойственен оптимизм. Ее пафос связан с принципиальной возможностью понимания, так что главной проблемой оказывается то, каким образом следует преодолевать трудности, встречающиеся на его пути. Лучшим способом их преодоления является исполнение всех условий свершения понимания, ибо понимание, как пытается продемонстрировать Гадамер, есть «деяние самого дела» [2, с. 536]. Это означает, что пониманию не следует пытаться «помогать» какими-то дополнительными и внешними по отношению к нему методами или технологиями. В этом смысле, можно говорить о принципе естественности, которому Гадамер проявляет симпатию, а также увидеть в его исследованиях влияние философии жизни. Понимание, подобно живому организму, прорастает и раскрывается, когда для его роста созданы необходимые условия, и, напротив, развивается плохо, болезненно или вовсе гибнет в неблагоприятной среде.

Такой подход к описанию понимания не лишен, однако, некоторых недостатков. Самый главный из них, на наш взгляд, заключается в том, что из сферы интереса (а, следовательно, и анализа) Гадамера фактически выпадает *непонимание*. Гадамер определяет понимание как процесс, как постоянное и в пределе бесконечное открытие смысла, и в такой системе допускается лишь относительное непонимание и не находится места радикальному непониманию.

Вместе с тем, опыт внезапных обвалов понимания, не вытекающих из всего предшествовавшего процесса понимания, является одной из важнейших составляющих коммуникативного опыта, подлежащих описанию и анализу. При всем желании сделать понимание поступательным и прогрессивным процессом, ничто не может защитить его от внезапного эксцесса. Именно это могло бы стать самым лучшим доказательством невозможности специального метода или технологии понимания – однако ввиду отсутствия у Гадамера специфического интереса к опыту вторжения непонимания это доказательство им также оказывается упущено.

Восполняя указанный пробел и тематизируя феномен радикального непонимания, мы могли бы заручиться понятием обратимости (или реверсивности), которое использует в своих работах Ж. Бодрийяр. К примеру, в сборнике «Прозрачность зла» Бодрийяр на многочисленных примерах демонстрирует действие закономерности обратимости (противостоящей диалектике как поступательному и синтетическому движению вперед): авангард в искусстве оборачивается трансэстетикой, либерализация оборачивается крахом политического и т.д. [см.: 1]. Имеет место парадоксальный процесс, в рамках которого движение вперед сопровождается одновременным проваливанием в пропасть – пропасть проблематического. Каждый раз проваливание происходит все глубже, и с каждым разом подняться из этой пропасти оказывается возможным лишь посредством усилий, значительно превосходящих те, которые были совершены прежде и которых на предыдущих этапах было достаточно.

Закономерность обратимости затрагивает, очевидно, и опыт коммуникации, и чем дальше заходит в своем движении понимание, тем более радикальным становится возможное и словно подготавливаемое им непонимание. С этой точки зрения, одним из принципиальных вопросов любого взаимодействия, общения, любых отношений в самом широком смысле оказывается вопрос о способах (модусах) переживания непонимания.

Как правило, непонимание воспринимается в качестве негативного явления, которое должно быть замещено пониманием; непонимание воспринимается как нехватка значения, которая должна быть восполнена. Такой подход мы могли бы назвать семиотическим. Поскольку герменевтика Гадамера не знает радикального непонимания и любое относительное непонимание воспринимает как этап на пути к более полному пониманию, мы можем постулировать близость герменевтического и семиотического проектов. Несмотря на то, что Гадамеру было чуждо рассмотрение

языка как изолированной и самостоятельной структуры в отрыве от процесса выражения мира («язык — это среда, в которой объединяются, или, вернее, предстают в своей исконной сопринадлежности «Я» и мир» [2, с. 548]), несмотря на то, что в отношении понимания языка Гадамер ориентировался в большей мере на позднего Хайдеггера, нежели на структуралистский подход, предложенный Соссюром, его позиция в определенных аспектах оказывается весьма близка семиотическому проекту.

В качестве альтернативы такому подходу к непониманию мы могли бы предложить транссемиотический подход, способный уловить и раскрыть содержательность опыта непонимания и воспринять его таким, каков он есть, – то есть как опыт нонсенса, как опыт столкновения с тем, что не может и не должно быть замещено значением. В качестве философского основания для такого транссемиотического подхода, на наш взгляд, способна выступить онтология Ж. Делеза, в рамках которой нонсенс оказывается средоточием содержания, символизируя собой утвердительный акт различия, являющийся источником множественности сущего («нет ничего, кроме События — одного лишь События, *Eventum tantum* для всех противоположностей, которое коммуницирует с самим собой благодаря собственной дистанции и резонирует сквозь все свои разрывы» [3, с. 234]). Если значения соотносятся с сущим и служат его интерпретации, то нонсенс может быть рассмотрен либо исключительно негативно как разрыв в цепи значений, либо положительно – не как значение, но как символ самого бытия, функционирующего по принципу различия. Семиотический подход придерживается первого рассмотрения нонсенса, транссемиотический – второго.

Здесь уместно вспомнить отличие символа от знака: если знак отсылает к чему-то другому, что полностью отсутствует в самом знаке, то символ предполагает парадоксальное совмещение трансцендентного и имманентного, подразумевает частичное присутствие того, что символизируется. Как пишет П. Тиллих, «символы, хотя и отличны от того, что символизируют, участвуют в его смысле и силе» [4, с. 274]. Именно в качестве символа бытия как утвердительного акта различия (то есть в качестве самого положительного из всего, что только может быть), на наш взгляд, и следует рассматривать коммуникативный нонсенс, столкновение с которым оказывается возможным в ходе коммуникативных практик. Это подразумевает, что участники общения обмениваются друг с другом не только значениями, но и нонсенсом, открывая тем самым друг для друга возможность особого транссемиотического опыта, ибо нонсенс, не будучи значением и противостоя ему, выводит за пределы значения и распаивает свое особое содержание.

Для анализа транссемиотического опыта, однако, философская герменевтика в том виде, в каком она была разработана Гадамером, оказывается малопригодна. Это означает необходимость обновления философской герменевтики и продумывания дополнительного инструментария для описания транссемиотического измерения коммуникации.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2009. 387 с.
2. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики. М., 1988. 704 с.
3. Делез Ж. Логика смысла. М., 1998. 480 с.
4. Пауль Тиллих. Избранное: Теология культуры. М., 1995. 479 с.

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА ФИЛОСОФИИ

В основание современного образовательного процесса должна быть положена задача раскрытия фундаментального познавательного потенциала личности сообразно ее культурным, психологическим, физическим особенностям. Как этого добиться и поддержать на уровне государственного стандарта личностный компонент образования? Такая постановка вопроса нуждается в серьезном философско-методологическом обосновании. Ведь образовательно-педагогическая практика нуждается в философской рефлексии, проясняющей широкий комплекс проблем – от понятия личности до оценки социокультурных изменений и связанной с ними ценностной ориентированности.

Положение философии в духовной культуре таково, что она, как бы, всем знакома, поскольку каждый в своей жизни, так или иначе, сталкивается с решением философско-мировоззренческих проблем. Однако, расхожее утверждение о том, что каждый сам по себе является философом весьма далеко от истины. Философия – это выявление предельных оснований мировоззрения в единстве умозрения, категориальной рефлексии, чувственно-эмоционального настроя и глубинной любви к мудрости. «Современная логика ...убедительно показала, что человеку доступно, при известной внутренней культуре, *безобразное мышление* и что именно такому и только такому мышлению открывается строй понятий, во всей его законченности и чистоте» [2,с.38-39].

Невозможно дать исчерпывающий ответ на вопрос, чем занимается философия. Но можно сказать, что к числу важнейших аспектов ее деятельности относятся вербализация и аксиоматизация, т.е. изъяснение в словах и сведение к логическому единству пред-рассудков и пред-убеждений людей – того, что люди обычно воспринимают как «само собой разумеющееся», а также поиски новых путей, образцов (парадигм) философствования. По мнению И.А.Ильина, «философия имеет свою *научную лабораторию* и свои *жизненные достижения*... В этой лаборатории накапливается и осмысливается *духовный опыт*, без которого нет, не было и не будет настоящей философии ... Философия ... имеет подлинную, творческую *связь с жизнью*; каждым серьезным свершением своим она доказывает, что у нее есть особый, самостоятельный *предмет*; ...философия есть *наука о жизни* » [2, с.30-31].

Охарактеризовать предмет философии в некоторых отношениях труднее, чем предметы естественных наук. Понятие предмета философии неотделимо от особенностей человеческого существования. Для человека весь мир оказывается расколотым на две части: на «мое Я» и остальное – «не-Я», включая природу, общество, других людей. «Как бы не определить философию, она всегда окажется *знанием*... Но, для того, чтобы знание состоялось, необходимо, чтобы *содержание* объекта вступило, так или иначе, *в пределы субъекта*. Ибо знание есть разновидность обладания, мнения; чтобы иметь, надо взять, по-ять; без взятия, по-ятия, не может быть ни по-нимания, ни по-нятия» [2,с.32]. Предмет философии дан «внутренно ... в виде субъективно-душевных переживаний, лично испытываемых, у каждого своеобразных и доступных каждому только про себя и для себя» [1, с.9].

Обеспечение единства знания является неотъемлемой функцией философии. Именно философия ориентирует интеллект на источник всякого смысла – на действительность, ибо только философия переживает сущее как таковое. Смысловый вектор знания направлен на то, что находится за пределами самих наук, что они с большей или меньшей приближенностью проясняют. Ю.Н.Солонин подчеркивает:

«... гарантом того, что ум выйдет на действительность в ее адекватной данности бытия, была философия, которая представляла единственной инстанцией, переживающей сущее как таковое» [3, с.5].

Философия существенно отличается от научных дисциплин. Одно из этих отличий состоит в том, что в философии нет абсолютно неоспоримых результатов. Дело в том, что способ формулирования и методы исследования «вечных» проблем, с которыми имеет дело философия, носят культурно-исторический характер. Это не значит, что не существует критериев оценки философских концепций. Они есть, но они привязаны к культуре и времени. В основе философского подхода к познанию лежит гуманистическая составляющая. Философ всегда пытается преподать человеку (субъекту, наблюдателю) достоинство ответственного суждения, способность смотреть на мир строгим, научно выверенным взглядом, руководствоваться своим собственным разумом [4, с.7, 28-29].

В процессе изучения философии результатом познавательной деятельности студентов должны выступать не столько знания как некий гносеологический таксон, а, прежде всего, понимание. Таким путем формируется мировоззрение личности, задаются вопросы метафизического характера, закладываются основы методологии, столь необходимой при изучении специальных дисциплин. «Философствование, как всякая познавательная практика, есть не внешнее умение или делание, но внутреннее; это есть творческая жизнь души..., душевно-духовное делание» [1, с.13]. «Философия чужда и недоступна тем, кто не знает и не чувствует различия между *бытом* и *духом*» [2, с.31].

Диалог должен быть не столько способом или формой обучения, сколько сущностной методологической характеристикой всего образования. С помощью диалога образование обретает не только личностно-деятельностный ориентир, но и наполняет его эвристическим содержанием.

Диалог является важной составляющей процесса социального, культурного и человеческого взаимодействия. Проблема человеческой открытости, экзистенциального доверия, снятия границ отчуждения в межличностном и коллективном *со-бытии* людей является определяющей в нашем культурно-историческом опыте.

Человек существует в двух смыслах – глобальном (существование в мире как таковом) и в локальном (существование в конкретных обстоятельствах, или присутствии). Существование как присутствие всегда экзистенциально. Присутствие означает нашу вовлеченность в бытийный континуум событий, поступков и свершений. Только в экзистенциальном измерении человек способен переживать свое бытие во всей его полноте, способен общаться с другими, присутствующими в той же жизненной ситуации. Отсюда вытекает смысл и ценность присутствия. Через феномен присутствия мы переходим от бытия всеобщего, повторяющегося к уникальности и абсолютной бытийности нашего «Я», соединяющего в себе конечность и вечность.

В идеале, философия должна предстать в виде регулярного непрерывного дискурса. Она явно или неявно ориентирует на высвобождение мобильности сознания, поощряет человеческую социальную активность. Придавать совершенно абстрактным, специальным философским проблемам и понятиям непосредственный жизненный смысл и показывать, что философия на самом деле касается всех и каждого, задача очень непростая, но посильная.

Философия занимает центральное место не только в ряду социально-гуманитарных наук, но и базовых теоретических и клинических медицинских дисциплин. И не только потому, что «врач-философ – Богу подобен», а еще и потому, что в своей профессиональной деятельности он чаще других задумывается о конечном и вечном, о смысле человеческого существования. И.А.Ильин отмечал: «Практический

вред, проистекающий от ошибок в гуманитарных науках, слишком часто не возвращается на голову того, кто в них повинен; тяжелые последствия, созданные ложным учением о «душе» слишком легко распыляются в окружающей среде» [1, с.11]. «Процесс обыденной жизни вырабатывает «скрытые» и «терпимые» формы искажений, и только в минуту острого нравственного отрезвления перед человеком встает въяве их сущность и их значение» [1,с.12].

Познание в целом, а философское в особенности, – это не только ориентация в этом мире, это еще и преодоление собственного одиночества. В основе познания лежит идея вечной жизни. Это выход в бесконечность, убегание от распада «Я». Это проявление космической любви.

Литература

1. Ильин И.А. Философия как духовное делание / И.А.Ильин. Религиозный смысл философии – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 694с. С. 7-26.

2. Ильин И.А. Философия и жизнь / И.А.Ильин. Религиозный смысл философии – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 694с. С. 27-51.

3. Солонин Ю.Н. Привитие философии (Философские факультеты и философская культура) / Солонин Ю.Н. // Вопросы философии. – 2011. – №2. – С. 3-13.

4. Философия России второй половины XX века (материалы «круглого стола») / Лекторский В.А. и др. // Вопросы философии. – 2011. – №4. – С. 3-30.